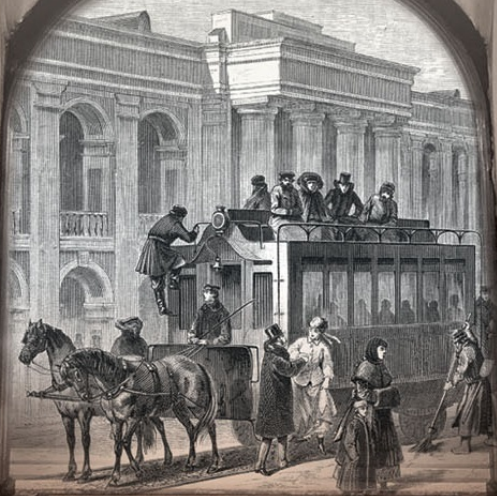

БОРИС БАТЫРШИН

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

КНИГА
ПЯТАЯ

Борис Борисович Батыршин
Посторонним вход воспрещён
Серия «Коптский крест», книга 5

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57407624
Посторонним вход воспрещён:

Аннотация

Пятая книга цикла «Коптский крест». На этот раз действие происходит по большей части, в современной Москве. Доцент-историк Евсеин с компанией с московским репортёром и писателем Гиляровским наносят визит в будущее – и оказываются весьма удивлены тем, что их там уже ждут. Так что прогулка обещает выйти занимательной! Если бы не одно «но» – по возвращении путешественников могут ожидать весьма неприятные сюрпризы. Да и в двадцать первом веке их не оставят без внимания...

Содержание

Часть первая

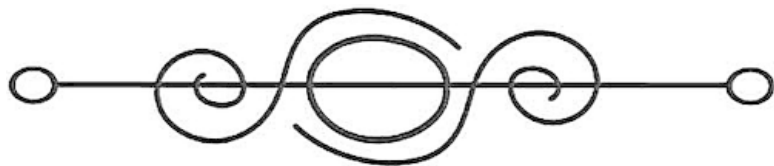
6

Конец ознакомительного фрагмента.

101

Борис Батыршин Посторонним вход воспрещён

Часть первая

Дверь за нарисованным очагом

I

Ноябрь 1887 года.

За полгода до описываемых событий

Любой университетский город имеет свой Латинский квартал. В Париже это в 5-й и 6-й округа на левом берегу Сены, вокруг университета Сорбонна. В Санкт-Петербурге – роты Измайловского полка. А в старой столице – кварталы между двумя Бронными улицами и Палашевским переулком. Здесь, в деревянных домишках, нарезанных, словно пирог на столе скупердя, мелкими ломтями-квартирками, в стороне от московских обывателей, ютятся студенты из числа провинциальной бедноты и разночинцев.

Сердцем московского «Латинского квартала» по праву считаются два заброшенных дома дворян Чебышевых на Козихе и Большой Бронной. Первый носит гордое имя «Чебышевская крепость» или проще, «Чебыши». Второй именуется «Адом» – наследие каракозовского кружка «Ад», память о котором здесь бережно хранится и даже преумножается. Этот островок образования и свободомыслия посреди ме-

щанской, купеческой, лабазно-извозчицкой Москвы идеально подходил на роль базы террористов – но уже не каракозовцев, и даже не бомбистов-народовольцев, а выходцев из таких циничных и жёстких времён, что на их фоне прежние герои (или злодеи, это уж как посмотреть) казались записными толстовцами.

Гости из будущего обосновались в той самой комнате, где, согласно местной легенде, жил когда-то сам Ишутин. Старожилы «Ада» уверяли, что бывал здесь сам Нечаев – и не просто бывал, а планировал со своими соратниками из «Народной расправы» казнь студента Иванова, ту, что подсказала Достоевскому замысел «Бесов».

Казалось бы, правила конспирации предписывают бежать от такого места, как чёрт от ладана. Но это только на первый взгляд – на самом же деле, ветераны московского сыска обходили «Ад» и «Чебыши» десятой дорогой. Здесь все знали друг друга; любой новый персонаж будет немедленно срисован, изучен, профильтрован на предмет принадлежности к охранке, и при малейшем подозрении на таковую – бит по морде в кровь, и счастье ещё, если уйдёт на своих ногах. Нет, неудобно филёрам и топтунам в кривых переулочках Латинского квартала, и уж тем более, в узких, едва освещённых коридорах «Ада» с «Чебышами». А потому, даже после громких событий марта 1887 года, когда по Москве и Петербургу прокатилась волна арестов и обысков, эта «тихая гавань» осталась нетронутой.

Посетитель остановился на тротуаре и, задрав голову, нашёл нужное окно. Щёлкнул крышкой часов – всё верно, трое других должны уже быть на месте. Доверенный человечек (к слову, не имевший иного касательства к организации) исправно вносил плату за жильё и даже появлялся там время от времени – приглядеть, что комната в сохранности, что не заселились туда посторонние люди. И всё – ради того, чтобы состоялась сегодняшняя встреча.

Впрочем, гость не планировал сколько-нибудь здесь задерживаться, разве что, перевести дух, обсудить спокойно, без горячки, ближайшие планы. Ну и, конечно, извлечь из тайника сделанную год назад закладку – солидную сумму в золоте, серебре и ассигнациях, а так же, кое-какие предметы, не характерные для 1888-го года от Рождества Христова. Например, старательно подобранный арсенал и комплект шпионской электроники – направленные микрофоны, диктофоны, видеокамеры. И, главное – защищённый от взлома ноутбук, с отобранной как раз на подобный случай информацией.

А вот и условный знак – цветочный горшок на подоконнике. Правда, росший в нём фикус давным-давно высох, но это уже неважно. Своё дело горшок сделал, подав знак, что конспиративная квартира безопасна.

Люди, которым надлежало явиться на встречу, не относились к числу испытанных, проверенных в деле ветеранов «Бригады Прямого Действия». Этих ребят «привлекли» поз-

же, когда понадобилось срочно расширять организацию в угоду амбициозным планам – его планам. Доверие новичкам ещё только предстояло заслужить – они и старались, отрабатывая шанс на удивительное приключение, для чего выполняли множество разнообразных поручений, по большей части – незначительных и не связанных с нарушением закона. Так, встретиться с кем-то, что-то передать, проследить за доставкой груза, а то и просто сыграть роль наблюдателя...

И это стало для них спасением: когда всё рухнуло, им удалось спастись, бежать, скрыться на заранее подготовленных квартирах. А потом, по истечении условленного срока – выйти на связь, используя систему условных знаков и кодовых сообщений (опять же, тщательно продуманных заранее).

Гость поднялся по скрипучим ступеням, прошёл по бесконечному, узкому, как кишка, коридору, привычно раскланявшись с парочкой «аборигенов» – и толкнул дверь. Никаких условных стуков – его ждали в эту самую минуту, ни позже и не раньше. Остановился на пороге, наслаждаясь мгновенной сменой эмоций в глазах тех, кто находился внутри – удивление, потом страх и, наконец, яростная надежда.

– Ну, здравствуйте, товарищи!

Один за другим все трое вскочили со стульев. Крайний слева, долговязый парень, одетый как мастеровой, даже согнулся в поклоне, потянув с головы мятый картуз. Что и говорить, привычки, приобретённые в новом окружении въед-

ливы...

Гость по очереди посмотрел им в глаза – как и в тот день, когда каждый этих ребят них принял немыслимое, фантастическое предложение лидера радикальной группировки «Бригада Прямого Действия».

Его, Геннадия Войтюка, предложение.

Он шагнул к столу, стоящему посреди комнаты. «Мастеровой» суетливо пододвинул командиру стул, уронил картуз и густо покраснел.

Гость ободряюще улыбнулся.

– Спасибо, Дим, ты тоже садись. Все садитесь, в ногах правды нет...

Прошедший год не стёр из его памяти ни имён, ни фамилий, ни психологических портретов этих парней. Он сам их когда-то составлял, отбирая кандидатов в организацию.

Вот они – сидят, преданно смотрят ему в глаза. Скованные зажатые... нет, это срочно надо менять!

– Вот что, Дима... – Геннадий повернулся к «мастеровому». – Сгоняй-ка в трактир за самоваром и заедками. Рубца мясного возьми, расстегаев, щей вчерашних хорошо бы. Разговор предстоит долгий, а я что-то проголодался и замёрз. Весна в этом году что-то студёная...

И он сел, со стуком поставив на столешницу квадратный штоф мутно-зелёного стекла – хлебное вино в сорок казённых «полугарных» градусов. Долгожданную встречу следовало отметить.

Геннадий извлёк из кармана складной ножик, почистил специальной лопаточкой трубку и долго выколачивал её о край пепельницы.

– К сожалению, товарищи, у меня плохие новости. Портал на Гороховской-Казакова закрыт. Я несколько раз проходил мимо дома – ничего.

Он приохотился к трубке за долгие месяцы подпольной жизни, в деревеньке близ финского города Або. Приютившие его рыбаки признавали только трубочный табак, да и бумага для самокруток (о фабричных пахитосах в этой глуши никто не слышал) была в дефиците.

– А как же второй тоннель? Тот, что под землёй?..

Спрашивавшего, высокого парня, одетого в студенческую шинель, звали Володя. Геннадий припомнил, что перед «акцией» он занимался переброской снаряжения через подземный портал. И, разумеется, сразу о нём вспомнил.

– Та же история. Спускался туда, пробовал – глухо.

– И как же мы теперь?..

«Мастеровой» обвёл «товарищей» беспомощным взглядом.

– Нам что, так и гнить в этих трущобах? Не, я на такое не подписывался! Не хочу...

Губы его дрожали.

«Ну вот, не хватало ещё, чтобы расплакался... – брезгливо подумал Геннадий. – И как это я проглядел такую пле-

сень? Впрочем, особого выбора не было, брали, кого попало. На том, надо думать, и погорели..

Все эти месяцы он упорно анализировал причины мартовской катастрофы – и раз за разом приходил к выводу, что без предателя дело не обошлось.

«...ладно, разберёмся позже. В любом случае, эта троица вне подозрений. Будь оно иначе, сейчас мне уже крутили бы руки жандармы или оперативники Д.О.П...»

– О трущобах можете не беспокоиться. – Геннадий выложил на стол пачку ассигнаций и глухо звякнувший столбик в сиреновой бумаге – стандартная банковская упаковка золотых десятков. – Средства есть, нуждаться ни в чём не будете.

При этом известии троица возбуждённо запереглядывалась. «Мастеровой» радостно потёр ладони и по очереди подмигнул каждому из собеседников.

«...как дети, право слово...»

– Кстати... – Геннадий демонстративно оглядел потрёпанную одежду парня. – Вам, Дмитрий, стоит обновить свой гардероб. В Верхних торговых рядах неплохие лавки готового платья, усиленно рекомендую. Будет много работы, надо выглядеть поприличнее.

– Работы? Какой? – обрадованно спросил парень в студенческой шинели.

– Требуется установить связь с народовольцами. Сколько-то их уцелело после прошлогоднего разгрома?

По комнате прокатился вздох разочарования.

– Опасно. – «студент» решительно мотнул головой. Двое других согласно закивали. – Продадут, сволочи. Или хвоста приведут.

Геннадий, чуть помедлив, кивнул.

– Понимаю, друг мой, но иначе никак. У нас здесь других контактов, считай, что нет, а через этих «революционэров»... – он нарочно выговорил это издевательски, с насмешкой, – ...через этих «рэволюционэров» можно хоть что-нибудь сделать. Документы новые добыть, легализоваться...

– Ну-ну, легализуемся... во Владимирском центре. – буркнул третий, до сих пор молчавший парень, одетый в купеческую кацавейку и охотнорядский картуз с высокой тульёй.

«Егор, кажется? – припомнил Геннадий. – Да, точно Егор Выходцев, двадцать один год. Помнится, его я завербовал последним из троицы – студент-политолог, третий курс ВШЭ...»

– Владимирскую тюрьму, друг мой... – он старался говорить мягко, поучительным тоном, – стали называть «централом» только в тысяча девятьсот втором году. Надо быть внимательнее к подобным мелочам, если не хотите привлечь к себе ненужное внимание. Помните, мы все тут по минному полю ходим.

– Так я и говорю, надо валить отсюда! – торопливо заговорил «студент» – Не нравится мне что-то это место. Гнилое оно, ненадёжное...

– Да не переживайте вы так. – Геннадий откинулся на спинку стула и нарочито неторопливо нацедил из крана самовара кипятка. Взял пузатый фаянсовый чайник и долил заварки.

– Согласен, здесь нам торчать не стоит. Найдём студентика победнее, из тех, кто недавно в Москве, и поселим в этой комнате. Кому надо – увидят, что здесь люди появились, зайдут. А он нам весточку и передаст.

– Всё равно, пропасут. – «охотнорядец» упрямо набычился. – Пропасут и повяжут. А через него и на нас выйдут, невелика хитрость...

Геннадий тонко усмехнулся, давая понять, что уже продумал этот вопрос.

– Должен сказать, друг мой, что слухи о способностях охранки сильно преувеличены. Это лет через пятнадцать они научатся работать – натренируются на эсерах и прочих бундовцах с мусаватистами. А сейчас здешние жандармы, в общем, ни на что серьёзное не способны. Что ни в коем случае не отменяет обычных мер конспирации.

– И как же Семёнов? Или этот... барон Корф? – не сдавался «охотнорядец». – Уж они-то наверняка всё жандармам разъяснили...

– Наверняка. – не стал спорить Геннадий. – И разъяснили, и книжки умные почитать дали. Но, одно дело – понять, а другое – поставить службу так, чтобы она работала, как часы. А вот на это у них времени пока не было. Мы же с вами

воспользуемся тайм-аутом и сделаем вот что...

Он отставил в сторону стакан с чаем и пододвинул к себе блокнот.

– С завтрашнего дня надо наладить круглосуточное наблюдение за домом на Гороховской. Не буду вдаваться в подробности, но есть шанс, что наши «друзья» вскорости сделают попытку восстановить работу портала. И это, товарищи, наш с вами единственный шанс вернуться домой.

II

Апрель 1888-го года

Нет ничего лучше возвращения.

Зелёный пароходик с тонкой белой трубой и белыми кожухами колёс неторопливо полз по Морскому каналу. За спиной, в закатном мареве тонули угрюмые махины кронштадтских фортов. Впереди небо было ещё светлым: на фоне восточного горизонта вот-вот должны проклюнуться шпили Петропавловского собора, Адмиралтейства, угадывался купол Исаакия. Евсеин поёжился, кутаясь в пальто, одолженное у старшего артиллериста – сам доцент не располагал гардеробом, подходящим для петербургской весенней погоды.

Семёнов оставил консулу в Адене чёткие инструкции. Доцента и его багаж – архив немецкого археолога Бурхардта, упокоившегося под завалами древнего подземного лабиринта в Александрии – следовало посадить на русский воен-

ный корабль. Никаких гражданских судов, никаких пароходов Доброфлота, регулярно ходивших из Одессы на Дальний Восток и обратно через Суэцкий канал. Пришлось ждать подходящей okazji – ею оказался клипер «Джигит», возвращавшийся после трёхлетней службы на дальнем Востоке в Кронштадт для докового ремонта.

Всю дорогу Евсеин и приставленный к грузу забайкалец (раненый в перестрелке казак давно поправился и к службе относился чрезвычайно серьёзно), ни на шаг не отходили от ящиков, зятанутых в просмолённую парусину, первой добычи экспедиции Семёнова. Сам Олег Иванович скитался где-то в дебрях Экваториальной Африки. Связи с ним, разумеется, не было, последняя весточка от экспедиции была отправлена ещё в середине лета, из английской миссии на озере Виктория-Ньяза.

Плавaньe не зятанулось. Не прошло и двух недель, как клипер встал у бочки в Военной гавани Кронштадта. На следующий день в гостиницу явился офицер с запиской от Корфа: Евсеину предписывалось немедленно препроводить груз на борт посыльного пароходика «Ижора». Обычно «Ижора» возила между Петербургом и Кронштадтом офицеров, матросов, а так же иных чинов публику, состоящую при громоздком флотском хозяйстве. Но на этот раз на борту не было посторонних – сопровождавший Евсеина офицер корректно, но непреклонно отказал в месте на пароходе нескольким гражданским и морским чинам. Доценту было

неуютно – он чувствовал себя не человеком, а казённой бандеролью особой важности.

От расспросов сопровождающий уклонялся. Сказал только, что «его превосходительство начальник Департамента Особых Проектов самолично всё объяснит». Груз (сейчас его охраняли сразу два вооружённых карабинами матроса) пребывал в полнейшем порядке. Как ни чесались у Евсеина руки вскрыть один из ящиков, он сумел удержаться от искушения. Работал только с записями в своих тетрадах и считал часы до сладостного момента, когда можно будет взяться за дело всерьёз. Слишком много начато и не закончено; слишком много тайн и открытий сулят исследователю архивы немецкого археолога. Доцент, подобно скупцу, рыдающему над пропавшим медяком, жалел о каждой потерянной минуте.

III

Июль 2015-го года

Дела и делишки.

Где москвичи знакомятся и заводят романтические отношения – разумеется, кроме соцсетей и сайтов знакомств? Правильно, на пляжах Таиланда, Кипра или Египта. Когда Алиса сказала, что она журналистка, Глеб недоверчиво усмехнулся, и сообщил, что он – успешный бизнесмен в сфере похоронных услуг. Как выяснилось позже, никто не со-

лгал. Одна беда: Глеб забыл поведать, какой он педант и зануда. То его не устраивает Алисин беспорядочный график, то её круг общения (не менее беспорядочный и весьма обширный), то перманентный бардак в квартире (а это и не бардак вовсе, Алиса ведь прекрасно знает, где что лежит!). То он не желает понять, как можно снимать для солидного издания, выходящего на мелованной бумаге с роскошными иллюстрациями, собственной камерой – поскольку издание прижимисто до крайности и скупится на хорошую аппаратуру.

А все потому, что она перекрасилась в блондинку.

Когда к успешному мужчине приходит за интервью хрупкая блондинистая девица, он сразу начинает оказывать ей покровительство, стараясь объяснить глупышке правду жизни. И заодно, сам того не замечая, выкладывает куда больше, чем собирался рассказать. Особенно, если пошире распахнуть глаза (голубые, а как же!), сделать губки бантиком и не забывать восхищенно поддакивать.

Глеб тоже жаждет покровительствовать, объяснять, поучать, читать морали... и Алисе понятно, почему он до сих пор не женат. Вот, к примеру, он спрашивает:

– Зачем ты завела новый блог?

– Первый блог – это блог фотографа, – терпеливо объясняет она. – второй мой личный, а этот блог журналиста, тут я пишу под псевдонимом. Здесь будут мои журналистские расследования.

– Ты и так тратишь слишком много времени на те два блога, а теперь ещё и этот! И ни о чём другом думать просто не успеваешь. А думать надо – вон, смотри, машина уже все постирала, мокрое белье перетягивает барабан. Так машинка быстрее выйдет из строя. А тебе плевать, ничего не замечаешь за своими драгоценными блогами!

Короче, поругались.

Ну и пусть.

Зато блог получается на загляденье! Алиса уже выложила три своих готовых материала по расследованиям. Все три были опубликованы в течение года на разных интернет – ресурсах. С фотографиями, со ссылками, без редакторских купюр и оглядок на спонсоров. Два вечера просидела, до глубокой ночи, отлаживала шрифты, подбирала оформление, наводила глянец. Будет теперь у неё шикарное развёрнутое портфолио – не каждый может похвастаться таким!

Только вот беда: блог надо продолжать, а приличные темы ну никак не подворачиваются.

Сегодня сначала пришлось снимать нудную конференцию, потом ехать в подмосковный лес, на тренировку волонтеров, разыскивающих пропавших людей. Вернулась усталая, вся в пыли, и вместо того, чтобы лезть в душ, уселась писать репортаж. Написала, сбросила на почту редактору. Опять ведь вырежет самое интересное, выхолостит до мелкой, незначительной новости... обидно, да?

Ещё как. А что делать?

Потом ещё два часа – на обработку фотографий.

Пискнула напоминалка в смартфоне. Пора в фитнес-клуб.

Алиса ненавидит фитнес-клуб. Точнее, дамочек, с которыми приходится заниматься в одной группе. В большинстве своем это стареющие курицы с претензиями на элитность в худшем понимании этого слова. Зато после тренировки все тело такое... довольное, иначе не скажешь! Заряд бодрости, полёт, нарзанные пузырьки в каждой клеточке, покалывание – и хочется бежать и сворачивать горы!

У Алисы никогда не было проблем с фигурой – попробуй, поносишь весь день по городу, как угорелая, прижимая к боку кофр с камерой и сумку, набитую бог знает чем! Но фитнес-клуб – это ещё и момент престижа. И, к тому же весьма полезные связи, поскольку все эти курицы – жены разных мелких специалистов в высотных зданиях из стекла и бетона. Нет незаметнее чиновника-специалиста... и нет его незаметнее. Министры меняются, аппарат остаётся... и все знает. Пока этот источник выстрелил только один раз, зато как!

IV

Июль 2015-го года

Приятное с полезным.

Вечернее небо над Москвой тёмно-золотое с синими узкими росчерками облаков. И клены были того же цвета, что и небо; золото плавилось в вечерних витринах и ласкало сво-

ими отсветами женщин, высыпавших после тренировки на ступени спорткомплекса.

Большинство дам тут же ринулись на парковку, а Вера Василевская остановилась и воскликнула:

– Красота какая! Прямо плакать хочется...

Алиса достала камеру и принялась щёлкать, в попытке поймать этот восхитительный золотой поток. Василевская вытянула шею, привстав на цыпочки:

– Покажи, что получилось!

«Ну вот, сейчас попросит сфотографировать...»

– Ой, Алисочка, сними меня на фоне этого великолепия!

«...и ведь не откажешь – повода, как назло, нет...»

Василевская оказалась особой надоедливой и настырной: «сфоткай вот так, а вот так тоже, а давай ты снимешь меня вот там...», Алиса сначала послушно щёлкала, потом запротестовала:

– Нет, так не пойдет. Сними плащ, сумку эту куда-нибудь день. Да, и убери этот свой ужасный ободок. А потом – садись прямо в листву, и загреби листьев побольше. Да-да, вот так! Ой, отлично, что туфель слетел, не надевай, не надо...

Неожиданная фото-сессия завершилась, когда солнце спряталось за высоты, оставив своё золото только на небе и в окнах верхних этажей башен. Верочка кудахтала от восторга, любуясь собой на экране Алисиной камеры. А потом предложила поехать к ней и попить кофе, а заодно фотки скинуть на компьютер. Алиса не стала возражать – почему

бы и нет? Хотя, фотографии ещё надо обработать...

– Нет. – властно возразила Василевская. – Знаю я вас, профессиональных фотографов-художников: сделаете сотню снимков, а отдадите один, причём не тот, который мне самой нравится. Поехали!

Квартира у Верочки оказалось просторной и с претензиями.

– Люблю, чтобы в доме было светло и пахло жасмином, – тараторила хозяйка, водя гостью по хоромам. – Это кабинет мужа, а это спальня. Вот посмотри: одобряешь обои, или бедновато смотрятся? Я ему всё твержу, что надо под гобелен!

Сквозь жасмин пробивался запах краски. Понятно – только что сделали ремонт, и хозяйка ещё не успела вдоволь им нахвастаться. Алиса, разумеется, не обманула Верочкиных ожиданий: похвалила обои, одобрила сине-розовую гамму детской, а потом предложила заняться фотографиями. На ноутбуке хозяйки внезапно нашелся фотошоп – можно было хоть начерно обработать кадры. Вытягивала свет, кадрировала... и забыла про время. Хозяйка дома сварила кофе – и села смотреть. И, надо отдать должное, особо не мешалась. Немного попозже заглянул супруг – нечто аморфное в бежевых тонах и с глубоким чувством собственной значимости. Сел, налил кофе, и принялся жаловаться жене на «этого негодяя Шилова», который ушёл в отпуск, оставив его разбираться с жалобами пикетчиков с Лесного Проезда. А ка-

кой ему, Василевскому, интерес, отфутболивать разъярённых жильцов? Да ровно никакого. Весь интерес уже давно подгрёб Шилов – и укатил в Данию.

Алиса наострила уши. Ветка с незаконной застройкой на Лесном обновлялась в её новостной ленте раз по десять на дню. И вот всплывает фамилия – и не просто так, а в связке с неким «интересом»!

На следующее утро девушка отпросилась у редактора на Лесной Проезд. Горящих тем как раз не было, предыдущие статьи сданы в верстку, так что тот не возражал: материал для новостей требовался всегда. Алиса добралась до места, поговорила с жильцами, сняла мордоворотов, вяло теснивших жиденькую толпу пикетчиков с дороги самосвала, выяснила, куда именно ходили, кому писали, кто и что ответил.

И понеслась!

Сначала новость сняли с сайта. Палыч развёл руками: «Алисочка, ты даже не представляешь, какие там деньжищи замешаны. Покалечат же, будь благоразумна...»

Потом позвонили Алисе на мобильник и очень настойчиво посоветовали не лезть, куда не просят.

Упорная журналистка списалась с Хвостом и стала публиковать материалы на его «желтой» страничке под псевдонимом «Степан Стопкин». Посещаемость странички выросла: бандитов Хвост не боялся, твёрдо рассчитывая на свою крышу.

Приём сработал: незаконная стройка была заморожена, а

в контору Верочкиного мужа нагрянула прокурорская проверка. Конечно, никого не посадили, но Лесной Проезд оставили в покое. Хвост рассказывал потом, что Стёпу Стопкина пытались разыскивать, но владелец странички псевдонима автора раскрывать не стал, заявив, что это – журналист-фрилансер, работающий удаленно, по договору. И даже договор для Алисы составил по всем правилам – на всякий пожарный. Вот что значит старая дружба, так и не дошедшая до постели!

Так и появился на свет Степан Стопкин – вольный журналист, раскапывающий и предающий огласке разнообразные скандальные дела.

V

Июль 2015-го года

Ночь, потраченная с пользой.

Именно этот блог и творит сейчас Алиса. За три «дела» образ Степана Стопкина успел обрисоваться вполне отчётливо. А Хвост, дурак, всё подкалывает – ржет, что Алиса творит мужчину своей мечты...

Может быть.

Но сначала – Алиса создавала полную противоположность себе. Она ездит на старенькой папиной «Королле», у Стёпы – патриотичная «Лада-Веста», купленная в кредит. Она – потомственная москвичка, Степа же – «понаехавший»

из глубинки, как он сам о себе и пишет. Алиса хватается за любую работу, а вот Стёпу интересуют только серьёзные исследования. Он – парень упрямый, рискованный, в чём-то даже авантюрист. В отличие от покладистой и осторожной Алисы.

Нет, это не мужчина её мечты. Это она сама, какой ей хотелось бы быть. Правда, серебристая «Королла» её вполне устраивает, но...

В любом случае, литературные вкусы у них со Стопкиным одни и те же. Только Алиса про свои помалкивает, ибо они не вписываются в образ куклы Барби с фотокамерой, а вот Стёпа не скрывает, что любит Чехова и Толстого.

В школе она искренне ненавидела эту классику – а всё потому, что литературу им преподавала Аннушка. С подачи этой училки, вся русская литература представлялась Алисе, как нудное описание грязи, мучений и выворачивания души наизнанку. Прежний мир, «до революции» рисовался серым и безрадостным, полным нищеты, тупости и безнадёги.

А потом случилось вот что. Как-то она, чтобы убить время в поезде дальнего следования, купила книжицу в мягкой обложке – «Статского советника» Акунина. Имя автора было тогда на слуху, вот Алиса и сочла полезным ознакомиться. Книгу проглотила быстро – и испытала немалое удивление. Оказывается, позапрошлый век, в котором действовали герои, вовсе не бесцветен!

Позже, уже в гостях у родителей, ожидая отца, она ради любопытства выдернула с полки томик Чехова. Просто так,

полистать, от нечего делать. И – попалась. Дальше были Достоевский, Толстой, Салтыков-Щедрин...

Господи, ну почему эту проклятую Аннушку не придушили в колыбели? Как же умело эта овца отбила у Алисы интерес к прекраснейшей русской литературе! И особенно, к этому удивительному периоду истории!

А ещё девушке безумно понравились моды конца девятнадцатого века. Она даже принялась приобретать шмотки в подходящем стиле, благо ей всегда шли длинные юбки, соломенные шляпки и кофточка с фонариками. Петрович как-то обозвал её «тургеневской барышней» – это когда она перестала вязать волосы в конский хвост и заплела их в недлинную мягкую косу с чёрным газовым бантом.

Порой Алиса воображала себя в огромной зале с зеркальным паркетом, танцующей мазурку в длинном платье с кружевным шлейфом. Одна беда – мазурку танцевать она не умела. Да и кто сейчас танцует все эти польки, кадрили, гавоты? Вальс, разве, на традиционной какой-нибудь свадьбе, да и то редко и неумело...

Сегодня правят бал хип-хоп, хайп, раскованность и ритм.

Интересно, как Стёпа Стопкин относится к субкультуре хип-хоп? Наверное, никак. То есть, так же, как и она сама. Не интересуется – но и не раздражает.

VI

Июль 2015-го года

За столом люди откровеннее.

Выгнувшись по-кошачьи, Алиса сладко потянулась. Не пойдёт она сегодня в фитнес-клуб. Лучше просто погуляет, ни о чём не задумываясь.

«Вот и лето наступило, – думала она, пересекая широкий, по июльскому пыльный двор. – А я толком и заметить не успела...»

Алиса совсем было собралась обогнуть угол пятиэтажки и выйти к чахлому скверу, когда её окликнули. Олежик, старый приятель – они всегда жили в этом дворе и дружили чуть ли не с детского сада. Сейчас он маялся возле своего подъезда, нагруженный двумя объёмными пакетами из «Пятерочки», и пытался вытащить из заднего кармана джинсов магнитный ключ от домофона. Увидав Алису, он бросил эту безнадёжную борьбу и бережно пристроил пакеты на асфальт.

– Привет! Сто лет тебя не видно!

– Привет, да я вся в бегах, в работе. А у тебя что, закупки на неделю?

– Не, это для алхимических экспериментов. Рискнешь здоровьем? Пойдем ко мне, все наши уже там.

Вот это именно то, что нужно после бестолкового дня и ссоры с Глебом – «алхимия» Олежика и Макса!

– Ой, классно как! А что намечается сегодня?

– Да так, ерунда, эксперименты с новой фритюрницей и свежим кроликом.

– Кролик во фритюре? Ой, как здорово! – Алиса чуть не захлопала в ладоши.

– Не, фритюрница отдельно, а кролик отдельно. Мы его уже замариновали и сейчас как раз собираемся в духовку... Чёрт! – молодой человек хлопнул себя по лбу. – Сыр-то я забыл!

– Так я схожу, куплю! А то, на хаяву, даже неудобно...

– Давай! – обрадовался Олежик. – Только поскорее, а то кролика уже закладывать пора.

– Какой сыр брать?

– Самый дешёвый, типа голландского или пошехонского. Да неважно, любой твёрдый сорт.

Оба парня – и Олежик и Макс, – известны среди приятелей и друзей, как страстные кулинары-самоучки. Периодически они собирают народ на «алхимические эксперименты» – осваивают приготовление очередного, как правило, мясного блюда. В прежние времена Алиса частенько сидела на Олежиковой кухне в ожидании свеженькой вкуснятины. Это же так классно: мальчики готовят, а девочки сидят рядом, ждут и непринуждённо болтают. Где ещё такое увидишь? Но, когда учеба в МГУКИ осталась позади, традиция кулинарных посиделок как-то сами собой сошла на нет.

Макс колдовал с фритюрницей, обжаривая в ней нево-

образимую смесь: луковые кольца, мясную соломку, картофельные кружочки, сырные шарики с ветчиной. Пока Алиса, Иришка и Юлик все это подьедали, ребята измывались над кроликом. Сегодня им ассистировали Валерка и незнакомый Алисе молчаливый парень по имени Лев. Известный, как отрекомендовал его Олежик, мастерством приготовления волшебного соуса для фритюрных жарок.

– Пропадай, моя фигура! – вздохнула Иришка, обмакивая картошку в соус.

А Алиса наслаждалась забытым чувством беззаботности – и безопасности. Никто от тебя ничего не ждет, никто не накапает начальству, никому от тебя ничего не надо...

– Олег, вы свой мед уже закончили?

– Ага, – оторвался от кролика хозяин квартиры, – Макс отбывает ординатуру в Склифе, я – в Сербского.

– «Сербского» – это что? – не поняла Алиса.

– Социальная и судебная психиатрия. – охотно пояснил парень.

– А, ты все-таки решил остановиться на психиатрии?

– Ну да. Без работы не останусь, психов в наше безумное время становится все больше. И деньги у них, как правило, есть.

– А раздвоение личности там лечат? – невинно поинтересовался Валерка.

– Лечат, а что?

– Ты им про Грязного Гарри рассказывал?

– А я с ним не знаком. – под общий смех невозмутимо отозвался Олежик. – Его только вы встречали. А я к тому времени, как он появляется, как правило, уже ничего не помню. А раз не помню – значит, этого и не было вовсе!

Олежик – милейший человек, пока не напьется. А вот когда переберёт, то становится агрессивным и вредным. Непременно докапывается до всех окружающих, чуть что – сразу лезет в драку. Тогда-то в компании и говорят, что в нём проснулся Грязный Гарри.

Парни принялись травить медицинские байки, сплошь и рядом весьма скабрёзные. Лев тоже оживился и поведал девушкам несколько леденящих душу историй из жизни анестезиологов.

Те охотно ахали – и то смеялись, то требовали немедленно прекратить эти «ужасные разговоры».

– К нам на днях мужика привезли, – запихивая противень с кроликом в раскаленную духовку, сказал Олежик, – бандит, проходит по делу то ли с наркотой, то ли с оружием. И несет такую восхитительную ахинею...

– Косит под дурачка? – понимающе отозвалась Алиса.

– Экспертизы пока не было. Но фантастики этот малый точно перечитал.

– Его инопланетяне похищали? – догадалась Ирочка.

– Не, у него где-то здесь, в Москве завелась машина времени. На ней он и катается в прошлое. В царскую Россию.

– И?..

– Наркоту он там покупает, в аптеке. Кокаин или морфий. Запросто, без рецепта!

Посмеялись.

– А зачем его к вам запихнули? – спросил Макс, – Понятно ведь, что врёт.

– Понимаешь, уж очень он убежденно врёт. Или... убедительно, уж не знаю... Я как раз присутствовал, когда его по тестам гоняли. Вроде как вменяемый, но в то, что говорит, похоже, сам верит совершенно искренне. Короче, менты не знают, что с ним делать. Пока отправили к нам на освидетельствование, а там видно будет. И самое занятное: он, похоже, и сам сознаёт, что ему чёрта с два кто поверит, и бесится, что его в дурку закрыли.

– А часто у вас под психов косят? – поинтересовалась Алиса.

– Не-а. Сейчас ведь мораторий на смертную казнь. Так что любой понимает: лучше уж срок отсидеть, чем гнить всю жизнь в закрытой психушке. К тому же, симулировать психическое расстройство не так-то просто: масса мелочей, нюансов, нестыковочек разных, которые не что опытный врач – любой практикант просечет на раз-два. Такие штучки только в «Золотом телёнке» прокатывали, а в наше время – вы бы знали, сколько одних диссертаций на тему симуляции психических расстройств написано!

– Да и в «Золотом телёнке» не прокатило. – заметила Алиса, которая недавно как раз прочитала бессмертное творение

Ильфа и Петрова. – «Не помогли ни книга Блейлера и сумеречное состояние души, осложненное маниакально-депрессивным психозом. Профессор Титанушкин не уважал симулянтов».

На неё уважительно покосились – не всякий в наше время способен вот так, с ходу, цитировать советскую классику. Как и любую другую, впрочем.

– Слушай, – продолжала меж тем девушка, – а можно мне с этим вашим уникамом поговорить, может, интервью у него взять? Проведешь? Покажешь его? А то с темами полный трюндец.

Олежик покачал головой:

– Нереально. Это же режимный объект! У нас такие Чикатилы иногда сидят – мороз по коже. И серьёзных преступников для освидетельствования привозят, даже по линии ФСБ. Так что и эта контора там присматривает. Не, пустой номер...

– А может, как-нибудь потихоньку?

– Как? Алис, там высокие стены, колючка, решетки, камеры повсюду. Все, как в тюрьме.

– Подожди, – удивилась Юлик, – у меня знакомая говорила, что её брат в Серпах от алкоголизма лечится. Добровольно. Как его-то пускают?

– Это особое отделение, для тех, кто сам приходит, или кого привозят из психиатрических интернатов. Наркология там, все дела... Между прочим, даже музей есть, посвящён-

ный жертвам карательной психиатрии. Но бандит, о котором я рассказываю, содержится в закрытой, тюремной части. Там дикие строгости, даже ложки после каждого обеда пересчитывают. Наверное, даже строже, чем в тюрьмах. В Серпах ведь не только бандюки на экспертизе, там и вполне реальные психи, маньяки с маньячками. Представьте, что будет, если такой сбежит?

– А ты где работаешь?? – спросила Иришка.

– А везде! – усмехнулся Олежик, – Я – в каждой бочке затычка. Вчера вот с очередной беспамятной возился – типичный случай биографической амнезии. Тётка второй месяц у нас парится, вообще ничего не помнит. её подобрали на одной подмосковной станции. Вот я и учу её разговаривать – видите ли, забыла, как это делается.

– И как, научил?

– Прогресс налицо.

Олежик налил себе пива и подхватил с салфетки сырный шарик, не дожидаясь, пока с него обтечет шкворчащее масло. Конечно, немедленно обжегся, принялся ронять и ловить шарик, ойкая и плеская во все стороны пивом. Ирочка пыталась отобрать горячее лакомство и дать Олежику остывший шарик, но тот свирепо засунул обидчика в рот, запил пивом и объявил, что победил супостата – убил и съел.

Кролик не слишком удался – получился с горчинкой. Впрочем, по под пиво его все равно дружно слопали. Мальчишки принялись обстоятельно рассуждать, что они сделали

не так, и как надо будет «алхимичить» с кроликом в следующий раз. А у Алисы все не шёл из головы бандит, шаставший в прошлое за наркотой.

Когда с пивом и остатками лакомств переместились из кухни в комнату, она снова принялась убалтывать Олежика – чтобы тот свёл её с интересным субъектом.

– А у вас там практиканты бывают?

– Бывают. И даже сейчас есть. Но там же все строго по пропускам. Оформляют по списку, который присылают с места учебы... хотя...

– Что – хотя?

Олежик встал, подошёл к подоконнику и принялся рыться в завалах из дисков, электронных девайсов и разномастных коробок. Нашёл что-то, задумался, помолчал. Потом поднял глаза на собеседницу:

– Ты же блондинкой заделалась... – и перевёл взгляд на белый пластиковый прямоугольник. – Тут вот какое дело: сейчас у нас проходит практику группа из нашего универа. И одна девчонка только один раз явилась на практику, а потом уехала домой, в Алексин – у неё там кто-то умер. А пропуск мне отдала, чтобы я сдал. А я забыл.

Алиса немедленно вскочила заглянула в пропуск.

– Не похожа, – покачал головой Олежик.

– Сделаю так, что буду похожа, – упрямо мотнула головой девушка, – дай-ка получше рассмотрю... да отдам, если не согласишься, просто посмотрю и всё!

Парень неохотно разжал пальцы, отпуская заламинированный кусочек картона.

К счастью, практикантка из неведомого города Алексина не следила за собой, полноты и в помине нет. И глаза вполне можно сделать карими, с помощью контактных линз. Уложить такую же причёску – вообще не проблема. Вот только носик...

Девушки немедленно принялись обсуждать, как сделать Алису, похожей на Елену Евгеньевну Коробову.

А виновник неразберихи сидел, исполненный глубоких сомнений.

– Я же не собираюсь ему побег устраивать, – убеждала парня Алиса, – мне бы с ним только поговорить, и всё!

– Да пойми ты, он же под следствием! Ему даже с родней свидания запрещены, если с кем и встречается, то лишь с адвокатом. А ты – журналистка. Засыплешься – мне точно трындец. Да и тебе мало не покажется!

– А ты-то тут при чём? – удивилась девушка, – Мало ли где я этот пропуск могла найти?

– Его же мне отдали, чтобы сдать! А мы с тобой знакомы, поймают – это сразу всплывёт.

– Не поймают, Олежик, миленький! Ну, пожалуйста!

И чем сильнее отнекивался её старый друг, тем больше Алисе хотелось проникнуть в неприступные «Серпы». А когда чего-то очень хочется...

– Давай так, – сказал наконец парень, – я завтра уточню,

до какого числа у этой группы практика. Вроде бы, должна скоро заканчиваться. Вот ты в последний день и появишься!

– А вот, смотри, на пропуске дата окончания действия. – Алиса подсунула приятелю прямоугольничек. – Как раз завтра!

– Да? Вот чёрт... Ты ведь вообще на неё не похожа, не успеешь замаскироваться!

– А мне и не надо быть на неё похожей. Мне надо быть похожей на фотографию.

– А если паспорт спросят?

– Ну, не ношу я с собой паспорт! А студенческий дома забыла. В крайнем случае – не пропустят и всё, ничего страшного. Разревусь и уйду, может, ещё и утешать будут, сжалятся...

И Олег сдался. Алиса – это вам не сырный шарик!

VII

Июль 2015-го года

День, прожитый не зря.

Проходная осталась позади. А вот и Олежик: ждет, нервно постукивая ногой:

– Ты прям, везучая, честное слово! Как раз сегодня клиенту назначена предварительная экспертиза. Тесты всякие, я не в курсе.... Фокус в том, на экспертизе будут присутствовать две группы практикантов, так что студенты каждой из

групп решат, что ты – из другой. Быстро чеши туда, сейчас как раз начнётся инструктаж. Только молчи, ясно? А то, ляпнешь что-нибудь...

Инструктаж. Проверка пропусков, по спискам. Суровые постовые. Решетки. Белый кабинет. Практиканты молча сидят у стенки, бледные от серьёзности происходящего. Врачиха вручает клиенту листочки: просит то ли нарисовать что-то, то ли выбрать из предложенных вариантов.

Клиент, широкоплечий молодой бугай, подчиняется докторше с недоумённо-страдальческим видом. Ему куда интереснее молодые практикантки – вон, как шарит сальными глазками по девицам! Когда взгляд его встречается с Алисиным, девушка слегка улыбается и подмигивает.

Парень замирает, принимается старательно чиркать огрызком карандаша в докторшиных листках. Помнится, Олежик говорил, что пациентам здесь нарочно дают такие вот коротыши – чтобы, не дай бог, не ткнули карандашом в глаз себе или собеседнику.

Подследственный снова покосился на Алису. Та попыталась придать взгляду заговорщицкий вид – выразительно так, с намёком. «Клиент» уставился в свой рисунок, лоб пошёл морщинами, даже, вроде, вспотел. Загадка? Ну, думай, дорогой, думай, тебе это не повредит.

– Вы не поняли задание? – заботливо поинтересовалась докторша.

– Это... ага. Да, типа, повторить можно?

И что делать дальше? Как здесь с ним поговорить? А никак. Надо ждать.

И вдруг Андрей (так, оказывается, зовут подэкспертного) нагло заявляет:

– Слышь, мне бы покурить – положено, да? Можно прямо тут? Так сигарету подкинь, мне свои в камере держать не позволяют.

Докторша озадачилась – «прямо тут», понятное дело, нельзя. Ткнула пальце в звонок; явился конвоир, непреклонного вида товарищ в форме, и увёл «пациента» на перекур. Практиканты зашевелились, начались вопросы. Тётка отвечает. Какие у неё глаза холодные, бр-р-р!

– Да, курящим у нас сигареты выдают один раз в час. Потому что нельзя им иметь ни спичек, ни зажигалок, сами понимаете, что за контингент...

А голос жёсткий, равнодушный. Видимо, у них тут от такого контингента все чувства атрофируются.

Вернувшись, Андрей снова принялся уныло карябать коротышкой-карандашом. Потом смял листок, отшвырнул, и решительно заявил, что у него ничего не выходит. Докторша терпеливо подсунула новый; тягомотина с тестами продолжалась ещё с четверть часа, после чего клиента увели. Перед тем как выйти из комнаты, Андрей швырнул в урну последний смятый листок, многозначительно зыркнув на Алису.

Докторша разложила на столе рисунки и прочие листочки с ответами подэкспертного и пустилась в объяснения. Прак-

тиканты сгрудились у стола, а Алиса тем временем, улучив минутку, выудила из урны листок. Уф, как руки дрожат, да-же, вроде, вспотела...

Из комнаты она вышла последней. Группу практикантов провели сквозь всё здание. Алиса, воровато, оглянувшись, шмыгнула за угол – так, как было обозначено на добытом листке. Коряво набросанный план со стрелочками и надпись – «третье окно».

Вот оно – с решеткой, забрано изнутри крашеным железным листом. И что дальше?

– Слышь, коза, ты кто? – шепот из-за железного листа.

Сердце ухнуло в пятки. Но виду девушка не подала – повернулась спиной к окошку и принялась копать в сумке.

– Я – корреспондент, случайно узнала о вашей истории. Вот мне и стало интересно.

– Ну, ещё бы! – пауза, – Мне уже терять нечего, так что заглохни и слушай. Времени ваще нет. В любой момент сюда войти могут, и тогда – всё, приехали, поезд дальше не идёт. Короче, дело в следующем: есть фраер один, журналист, может историк – я, в натуре, не в курсах. Семёнов Олег Николаевич. У него сынок, Иван, старшеклассник. А дружан этого Семёнова – врач, по фамилии Каретников. В седьмой градской больнице работает, бывший эмчезник. Короче, захочешь – найдёшь. Так вот, компашка эта отыскала портал, в натуре, как в книжках фантастических, чтобы ходить в прошлое. В позапрошлый век, при царе ещё. Ну и, понятное де-

ло, принялись там гешефты крутить, бабло стричь – а чё теряться?

Мы вышли на них через Ольгу Смольскую – есть такая баба, с первого меда, у ней ещё братан, Роман, дембель из десантуры. Там какие-то дела с этим порталом не срослись, эта овца как-то узнала и хахалю своему, Геннадий его зовут, стуканула. А он по части политики круче всех, отвечаю! Я его ещё по школе знаю, вместе в одном классе...

Расклад, короче, такой: к этому portalу нужен типа ключик, шарик такой, чёрненький. От древних бус. Гендос через Ольгу эти шарики раздобыл и сразу и просёк, чё дальше делать. А он крутой знаток всяких там дел насчёт революции: в натуре, всё волокёт, в теме по самые гланды... знаешь как его ребята слушают? Да если бы он лет на сто пораньше родился – он бы точно у этих, с революцией, центровым был!

Я это к чему: Гендос, как насчёт портала врубился – нам и говорит: вот, парни, где надо революцию делать! В наше время с Интернетом и ФСБ только за большие бабки можно, а где они у нас, у честных людей? А там – мы типа заранее все расклады знаем, кто при каких делах, развернёмся! Короче, решил он помочь тамошним революционерам царя грохнуть. Чтобы потом в авторитетах ходить. В школе, небось, учила – тогда ещё старший брат Ленина, который из Мавзолея, хотел подсуетиться, да не срослось. Спалились они, царя не завалили, а сами пошли под вышку. Вот Гендос и решил им, мала-мала подсобить. И Александра Ульянова от охран-

ки, это ихнее ФСБ, отмазать. Короче, чтобы революция случилась раньше, ну и он ею рулил, а не козлы всякие. А эти уроды, Семёнов с Каретниковым, стали нам мешать, твари! И Ольга, сучка, нашла себе на той стороне офицерику, Гену кинула, в натуре, свалила к тем. . .

Короче, мы замутили крутое дело. Стволы я через дружбанов с Украины добыл. Царя, значит, из граников, «Мух» то есть, решили покоцать, а в Москву, через портал – штурмовую группу на байках, и хрен бы нас тамошние мусора тормознули! Но как-то этот расклад засветился. Что там в Питере с царём вышло – не знаю, а нас зашухарили по полной. И на той стороне встретили и здесь, на Казакова ментов подтянули. . . Этот портал – он на улице Казакова, это возле Курского. В общем, отыщешь, не маленькая.

Значит, когда нас на той стороне, в прошлом менты прижали. . . нет, не городовые или жандармы царские, этих мы бы только так уделали. Менты там были наши, натуральные, с «калашами». . . Хер его знает, откуда они там взялись, я сам охренел, – а как понял расклад, так сразу всосал, что надо валить в портал. А то там бы и лег. . . Ну я и свалил, а меня здесь, у нас – за рога и в стойло, прикинь?

Короче, вилы выкидные. Меня, как оказалось, давно пасли – ну, я же и стволы добывал, то-сё. . . думал, отсижусь в прошлом, хрен меня оттуда достанут! Но – не проканалю. Так мало того, как только я выскочил, они портал взяли и схлопнули! Мы с Гендосом и не знали, что так можно; одна

надежда – не навсегда это.

– Значит, я в ментовке раскололся – а кто бы не раскололся? Всё одно ни чем не рисковал, кто ж такому поверит? Ну, они в натуре и не поверили, сюда упаковали, олени! Только я нормальный, слышь? Эй, ты там еще?

– Да-да! Я слушаю. – ответила Алиса. Она не понимала ровным счётом ничего. Неважно, диктофон пишет, потом разберётся...

– Ну вот. Я ж, прикинь, знал, что они меня сюда упекут – вот и думал как-то своим весточку подать, что ли... Потому как есть ещё один портал, только он под землёй, но его хрен разыщешь. Там тоже наши должны были быть, и я что думаю: а вдруг он, как и портал на Казакова, тоже накрылся? В конце концов, эти гады, Семёнов с доктором, вполне могли нам такую подляну кинуть, чтобы от своего времени отрезать. Но сами-то они наверняка ходят по-тихому, туда-сюда? Не, правильно? Они на прошлом бабло рубят, а значит, обязательно должны ходить! Вот я и подумал: ты как-нибудь разыщи их, а через них уже и наших. Дай знать Генке, что я тут парюсь – он чё-нибудь придумает, у него не голова, а цельная ГосДума. А ты в накладе не останешься, отвечаю!

– Я... попробую. – неуверенно отозвалась Алиса. – Как вы говорите, имя-отчество этого Семёнова?

– Олег Иванович. Журналист, лет ему где-то под полтинник, может меньше... Живёт возле Университета, точнее не скажу. И вот что ещё: менты пока меня за психа держат, но

когда доктора здешние им отрапортуют, что я нормальный – сразу начнут копать связи. Правда, о Семёнове с Каретниковым и о Смольских я им не говорил, но они сами докопаются, вопрос времени. Так что у тебя неделя, не больше. Вкурила?

Алиса понимала, что всё это бред настоящего сумасшедшего... хотя, врачи, вроде бы, считают иначе? Ладно, пока что, подыграем, а там видно будет.

– Так говорите, Геннадий добыл эти ключи, то есть бусинки, через Ольгу? А как именно?

– Не важно. Добыл. Одна у меня была, только я её сдуру проглотил, когда менты вязали. С дерьмом, видать вышла, а жаль. Пригодилась бы...

– А кто создал эти порталы?

– Хмырь какой-то, тоже из прошлого Его все доцентом звали – по ходу, не кликуха, он и правда, учёный. Семёнов и Колесников, его где-то спрятали. Он их, наверное, и научил, как порталы закрыть, больше никому!

И выдал заковыристую матерную конструкцию. Алиса поморщилась.

– Короче, подруга, сделаешь всё, как надо – не пожалеешь. С баблом проблем нет, только бы наши меня вытащили!

– Я поняла, а можно...

За железным листом послышался недовольный начальственный голос.

– Сру! – вызывающе ответил «пациент», – Запор у меня!

Алиса осторожно отошла от окна и заторопилась к про-

ходной.

Уже сидя в машине, послал Олежику эсэмэску: «Я еду домой. Всё в порядке». Ну, чтобы не нервничал. Сразу пришёл ответ: «С тебя вискарь». И смайлик вдогонку.

И подальше отсюда, скорее! Не хватало ещё и попасться...

VIII

Июль 2015-го года

Поиски в Сети и наяву.

Алиса уже раз пять прослушала «интервью из сортира Сербского». Зря потраченное время – материал никуда не годится. Обидно. Конечно, Стёпа Стопкин может и проверить... но нужны доказательства и, желательно, посерьёзнее.

Тут она вспомнила Олежика – ведь не на пустом же месте он так психовал? Надо довести дело до конца, хотя бы для очистки совести...

Так, и что же мы имеем?

«Семёнов Олег Иванович, журналист, историк» – отозвалась треском клавиатура. Стоп! Есть такой! Ого! И даже цикл статей о Москве конца девятнадцатого века в «Вестнике живой истории». С фотографиями, да какими! Алиса, как профессиональный фотограф, не могла не оценить уровень подборки парных кадров: один старинный века, сделанный с того же места и в том же ракурсе, но уже в наше время.

Москва.—Moscou. № 230.

Камергерский-Газетн. пер.—Rue Kamerguersky-Gazetny.

Что ж, как минимум, этот персонаж – не вымышленный. Хотя, это ещё ничего не подтверждает: подследственный мог увидеть где-нибудь журнал и запомнить имя...

Теперь – седьмая городская клиника, доктор Каретников. Есть! Завотделением детской хирургии! Всё завлекательнее...

В социальных сетях нашлись и брат с сестрой Смольские: Ольга и Роман. В друзьях у Ольги два Геннадия. Интересно, который – тот самый?

Алиса задумалась. Проще всего встретиться со всеми, кто фигурирует в расследовании и осторожно вывести их на разговор об Андрее. Для начала, она написала Ольге с Романом. Оба оказались «офлайн». И давно уже не появлялись в сети. Ну, мало ли почему это могло быть... О, у Романа даже указан номер мобильного?! Ну конечно: «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Следующий звонок – в «седьмую градскую». То, что Каретников взял отпуск за свой счёт и не вышел в положенное время на работу уже не вызвало удивления – наоборот, она ожидала чего-то подобного. И, разумеется, коллеги не в курсе. Как, и начальство тоже? Девушка, отвечавшая на звонок, искренне переживала по поводу пропажи Каретникова, а потому охотно пустилась в объяснения. Интересно? Очень.

В редакции «Вестника» Алисе легко дали номер Семёнова – и разумеется, он тоже оказался «вне зоны действия сети». Нет, правда что ли, вся эта компания сейчас в про-

шлом? А вот, кстати, и аккаунт Семёнова в Фейсбуке. Ага, сын Иван, школа номер...

Алиса не поленилась зайти на сайт школы, нашла класс Ивана. Дальше – проще: вычислила в «Фейсбуке» нескольких его одноклассников. Парень наверняка с ними общается, верно? Вот и мы пообщаемся, авось чего-нибудь и обнаружим... Так, запрос на добавление в «френды», «Привет...» и так далее...

Добытые сведения подогрели её интерес к наклевывающейся теме. Иван, сын Олега Ивановича Семёнова, не появлялся в школе всю весну. Не аттестован, между прочим, за последнюю четверть. Но он и раньше много болел, часто пропускал занятия. Может, мальчик в больнице?

Когда там покушались на царя? Первого марта 1887-го года?

Не может быть!

Но – люди пропали, это непреложный факт!

Алиса на всякий случай написала обоим Геннадиям из друзей Ольги Смольской. Один откликнулся сразу. Нет, он не знаком с Ольгой лично, они вместе зависали в одном форуме, но Ольга уже давно там не появлялась. Ничем помочь не может.

Второй Геннадий тоже пропал из сети аж с начала февраля. Несколько фотографий из альбомов: они вдвоём с блондинкой Ольгой Смольской. Так, а сам Геннадий... студент философского факультета МГУ, третий курс? Судя по то-

му, что можно выжать из аккаунтов – активно интересуется политикой, левые, даже радикально-левые убеждения. Это как раз неудивительно: на гуманитарных факультетах таких – каждый второй, не считая каждого первого. Разве что, общая «окраска» политических убеждений меняется: один ходит с белыми ленточками, второй – с георгиевскими. А третий и вовсе нацепил жовто-блакитные.

А это что? Ага, тот самый «пациент» Сербского – во френдах? И страничка этого Андрея... так, это его Дроном называют, верно? Верно. Страничка в красночерных тонах: анархисты, нацики, АКМ, страйкбольные фотки, сообщество фанатов ножевого боя, сообщество любителей «Вархаммер – 40 000»... снова лимоновцы... что, даже форум язычников-родноверов? Ну и каша!

И при всём при том, масса комментов Дрона к постам Геннадия. Нет, товарищи, это уже не просто «тепло», это прямо-таки пальцы жжёт!

Кстати, Геннадий тоже куда-то пропал – по крайней мере, в сеть не заходил уже давно.

ГОРЯЧО!!!

IX

Июль 2015-го года

День, полный трудов

Полдень следующего дня застал утро Алису у выхода из

здания медицинского факультета. Девушка была сосредоточена и задумчива. Новый сюрприз: Ольга Смольская тоже исчезла, совсем, с концами, наплевав на учебу. Мало того, в течение последних полугода она проходила внеплановую практику – её по индивидуальному запросу, направили в седьмую градскую больницу, медсестрой. И, угадайте, кто подавал этот запрос? Правильно, завотделением детской хирургии Каретников А.М. Но проходила она практику почему-то не в детском а во взрослом отделении.

Кстати, на практике студентка тоже перестала появляться, и как раз через несколько дней после того, как доктор Каретников вышел в отпуск «за свой счёт». Странность? Ну, это как сказать – пропали они, считай, вместе, и можно заподозрить банальную интрижку. Разве мало солидных дядей уезжало на Кипр с молоденькими любовницами?

Что ж, теперь у Алисы имеется Ольгин адресок. Между прочим, живёт она на улице Казакова, это где-то в районе Курского вокзала. Хм, редакция «Вестника живой истории» оттуда в двух шагах... а какую улицу называл Дрон? Точно, Казакова!

Всё чудесатее и чудесатее, как говорила её знаменитая тёзка.

Редакция встретила Алису тишиной. Что и тут тоже все исчезли?

– Есть кто живой? – окликнула девушка, сунувшись в пару

запертых, не по современному обшарпанных дверей. На зов, как ни странно ответили: откуда-то вынырнула дамочка с лошадиным лицом, несущая в руках электрический чайник:

– Здравствуйте, сейчас в редакции только. Остальные – кто где. Главред вообще только к вечеру появится, да и то не факт. А вы кого ищете, барышня?

«Барышня», – отметила про себя журналистка. – Причёска из восьмидесятых, и кофточка из бабушкиного сундука. Да они все тут больные на голову с этой своей историей...

– Семёнова Олега Ивановича. Я корреспондентка...

– Так он у нас внештатный! – не дослушала дамочка с чайником. – Давненько не появлялся, с месяц, а то и больше. Нет, простите, здесь вы его не дождётесь.

Алисе был хорошо знаком этот типаж – редакционные дамы-выпускающие. Вроде, ничего не значащая должность, но на них иной раз держится всё. И знают они тоже все и про всех.

Алиса отбарабанила наскоро сочинённую легенду: Семёнов-де предложил ей поработать вместе над материалами, посвященными покушению на императора Александра Второго. Вот они и зашла, узнать, что и как.

– Да, Олег Иванович не журналист, а клад! – охотно подхватила тему редактрисса. – Знаете, он выискивает по архивам потрясающие фотографии старой Москвы! А очерки его полны таких деталей, что сразу вспоминаешь Гиляровского. Ой, зачем же я вам это объясняю? – спохватилась вдруг

журнальная дама, – Вы ведь, наверное, все его материалы и так читали, раз собирались вместе работать? Да, жаль, очень жаль, что Олег Иванович куда-то пропал! Если встретитесь с ним – передайте пожалуйста, что его статей журналу очень не хватает. Он должен помнить: был задуман целый цикл с иллюстративным материалом. Как, и вы дозвониться не можете? Удивительно, удивительно... что, и домашний не отвечает? А домой к нему заглянуть не пробовали?

– Я знаю только, что он живёт недалеко от Университета, – развела руками Алиса. – Правда, сама я у него в гостях ни разу не была...

В итоге, копилку расследования пополнил ещё один адрес. Так: улица Строителей, метро Университет... в недурном районе обитает господин Семёнов! Что ж, навестим в своё время, а пока надо отправляться на улицу Казакова.

Алису несколько не удивило, что Ольги и Романа не оказалось дома. Почтовый ящик доверху забит счетами и рекламными листками – похоже, их не выгребали давным-давно. Неаккуратность? Всё может быть. Хотя... будущая хирургическая медсестра, на хорошем счету – и неаккуратность? Очень, очень сомнительно.

Итак, первый вывод: все фигуранты рассказа загадочного пациента психушки действительно куда-то пропали.

Значит, всё же портал в прошлое? Это объяснило бы многое, однако принцип «бритвы Оккама» никто не отменял. Всем этим фактам можно найти и другое объяснение, без

порталов, мистики и путешествий во времени.

Например, простейшее: Андрей-Дрон – псих, и как-то причастен к пропаже всех этих людей. Возможно, даже к их убийству. Вот и свихнулся, и сам себе придумал объяснение: его жертвы сгинули в прошлом, портал «схлопнулся», как он сам это называет, а он как бы и ни при чем. Нет, не сходится: его обвиняют не в убийстве, а в делах, связанных с наркотиками и оружием... Неважно: до убийства просто не докопались... ПОКА не докопались. А вывернутая психика преступника потребовала найти оправдание для себя самого – вот и возник этот самый портал.

Тема для репортажа многообещающая: можно и жути нагнать, и поинтриговать читателя, и вывод вполне востребованный, даже на гражданскую позицию тянет!

Осталась «пара незаметных пустяков», как говорят в «одесских» сериалах: выяснить, куда делись эти брат с сестрой, журналист с сыном, врач и студент философского факультета Геннадий Войтюк. А так же – отыскать между ними связь.

X

Апрель 1888 года

Ночью надо спать.

Вагон ритмично покачивался на полном ходу. Из-за окон стремительно накатывался сумрак – в конце апреля ещё рано

темнело. С передней площадки в вагон зашёл пожилой, похожий на моржа кондуктор и неторопливо прошёл по вагону, зажигая по стенам свечные фонари и задёргивая их полотняными занавесками. Сумрак сразу отступал, в вагоне стало уютно-домашне, от дрожащего огонька запрыгали тени. Тьма вскарабкалась наверх, в багажные сетки с наваленными в них портплекдами и шляпными картонками, запуталась в складках висящих на крючках пальто. Мерно раскачивались фигуры пассажиров первого класса; почти все спали, сидя на своих местах. Дальше по вагону потрескивала поленьями печка – стояли совсем не весенние холода, а в Москве, как говорили, ещё лежал снег.

«Надо же, как повезло...» – подумал Евсеин. Между двумя столицами, по главной железной дороге Российской Империи курсировали только самые новые, самые удобные вагоны, во всяком случае, когда дело касалось первого класса. Но иногда неудачливому пассажиру случалось отправиться в путь и в такой вот древности – «креслокроватном вагоне», первые из которых были запущены на линию лет два десятка назад. Разделения на купе здесь нет. Вместо привычной мягкой полки, на которой так уютно растянуться под стук колёс, пассажиру предлагается особого устройства кресло, раздвигающееся в ложе. Спать в нём можно лишь полулёжа, а белья не предусмотрено вовсе. Впрочем, Евсеин, который мыслями был уже в Москве, не замечал этих неудобств.

Предстояло проверить давно вынашиваемую теорию. Ещё

в Александрии, занимаясь вместе с Бурхардтом переводами древней «картотеки», Евсеин наткнулся на описания устройства, позволяющего отыскать нечто вроде тени, отпечатка закрытого портала. Зацепиться – с помощью тех же бусинок от коптских чёток – за то, что, возможно осталось ещё от межвременного перехода и снова открыть его, хотя бы на краткое время.

Года не прошло с тех пор, как «схлопнулись» московские порталы – но сколько же всего уместилось в этот срок! Перестрелка в египетском подземелье, побег из Александрии на роскошной яхте; ожидание в Адене, путешествие на военных кораблях... В Петербурге Евсеин пробыл недолго – сдал груз, внёс в каталоги привезённые ценности и, тщательно продумав предстоящий опыт, отпросился у Корфа в Москву. Всё необходимое для эксперимента лежало у доцента во внутреннем кармане: несколько листков с пометками, схема простенького приспособления и пять сморщенных шариков от «коптских» чёток. Корф выдал их из особо охраняемого сейфа в своём департаменте. Выдал по счёту, заставив расписаться за каждую на новеньком, пахнущем типографской краской казенном бланке. А потом ещё за все пять – в огромной амбарной книге, где фиксировались перемещения подконтрольных Д.О.П. у артефактов. Барон хотел даже приставить в Евсеину охрану, но доцент возмутился. Что за выдумки? Ну что с ним может случиться на железнодорожной магистрали, связывающий столицу Империи с её самым

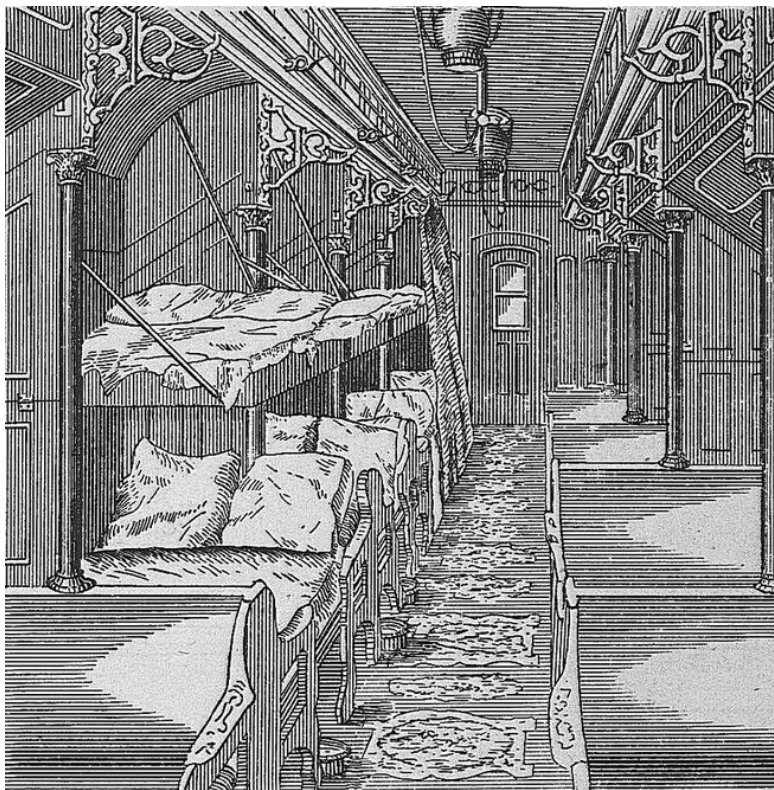
главным городом? Поворчав, Корф охрану отменил, однако предупредил, что на перроне Евсеина будет встречать Роман Смольский, один из «гостей из будущего». И впредь именно это он будет заниматься вопросами безопасности доцента.

Евсеин спорить неё стал: слишком уж памятны были ему недавние приключения. Тогда он попал в плен к бельгийскому авантюристу ван Стрейкеру и год с лишком провёл в беспамятном состоянии в доме скорби. Разумеется, злыдень уже далеко от России, но всё же, всё же..

В вагоне было тихо. Только со стороны печки, уютно дышащей волнами тепла, доносились негромкие голоса. Двое офицеров – капитан и кавалерийский ротмистр – похоже, спать не собирались. Евсеин повозился, устраиваясь поудобнее.

«Раздвинуть, что ли, сиденье? Да нет, ещё рано. Всё равно уснуть не получится, а соседей он побеспокоит, неловко...»

С противоположной стороны раздался сердитый бас оберкондуктора. Устроившийся напротив Евсеина господин, по виду, средней руки чиновник в шинели почтового ведомства, недовольно заворочался. Евсеин, встретившись с ним взглядом, пожал плечами – мол, что поделать?

– Безбилетника, кажется, поймали. – предположил господин. – Жульё народ! До чего дошло: в первом классе норовят зайцами прокатиться!

А обер-кондуктор всё гудел на площадке:

– Вот как, значицца..... Ты сейчас, любезнейший, на хо-

дишься около самого Бологого. А сел где? На прошлой станции! Сталбыть, по тарифу за первый класс оттуда до Бологого сколько полагается? Ах, не помнишь? А я вот сейчас напому! Потом тариф помножаем на два – вот сию суммочку и изволь сей же час уплатить! Иначе с жандармом познакомишься!

Другой голос, заискивающий, пытался возражать; оберкондуктор неумолимо гудел в ответ. Евсеин поворочался и не став, к огорчению почтового чина, поддерживать беседу о падении нравов, погрузился в свои мысли. В фонаре оплывала стеариновая «вагонная» свеча – язычок пламени опал, и на кончике фитиля светилась кашеевой смертью угасающая фиолетовая искорка. Жестяной переплёт фонаря выкрашен белой краской и вверх, под потолок вагона уходит белая, обшарпанная трубка вытяжки...

Фиолетовая искорка, наконец, умерла, и сразу стало сумрачно. Почтовый чин давно уснул и теперь негромко похрапывал. Попробовать, что ли, заснуть? Евсеин приподнялся, нашаривая ручку мудрёного раскладного механизма. Вагон уютно покачивало – приближалась станция Бологое, середина пути между Петербургом и Москвой.

XI

Июль 2015-го года

Планы лучше составлять заранее.

Связь между Семёновым и Каретниковым нашлась быстро. Судя по соцсетям, они знали друг друга и оба увлекались исторической реконструкцией эпохи Наполеоновских войн. Во френдах полно таких же, как они, реконструкторов, а в перечне сообществ на первом месте – сообщество «Ахтырского гусарского полка». И людей из этого «полка» в друзьях у обоих... Значит – либо состоят в этом клубе, либо тесно с ним связаны, а это уже что-то!

Здесь же куча изрядно фотографий с лошадьми, пушками, в расфуфыренных одеждах. Нашлась и фотка с обоими сразу: Семёнов и Каретников в окружении мужчин, одетых под гусар – со шнурами на груди и в узких, расшитых узорами гусарских штанах. А ведь со вкусом подобрано: бежевые с тускло-золотыми шнурами куртки-ментики и тёмно-синие узкие штаны, заправленные в короткие сапожки с золотыми же кистями на голенищах. Как эти штаны называются? Бриджи? Нет, оказывается «чакчиры». Она и сама бы от таких не отказалась – и форму ног подчёркивают, и узорчик миленький...

Лошадок Алиса любила. Она даже вместе с подругой Динарой пару раз выезжала за город, покататься на частной конюшне. В неожиданном порыве энтузиазма, девушка выложила большой пост от имени Стёпы Стопкина – про верховую езду, лошадей, долгие осенние выгулки по лесным дорогам. Пусть блог живёт. Ну, нет, пока ещё расследования! То есть оно есть, но...

Пока непонятно, от чего плясать. Есть масса разрозненных фактов, касающихся разных людей, знакомых друг с другом. Условно можно разделить их на две группы. В первой – Олег Иванович Семёнов с сыном Иваном и врач из 7-й градской Каретников. Ко второй относятся брат и сестра Смольские, Ольга и Роман. А так же, загадочный «умник» Геннадий Войтюк, и сам Андрей, он же Дрон – подследственный, находящийся в данный момент в институте Сербского. Алиса вздохнула и принялась (как учили!) рисовать схемки со стрелочками связей.

Схемка помогла: получалось, что в первую очередь надо брать в разработку врача – недаром он оказался в обеих группах. Прослеживалась и связь с девятнадцатым веком, а именно – историческая реконструкция. Вот с неё Алиса и решила начать, благо, материала в Интернете было море разливное.

Итак, что она знает о реконструкторах? Да, слышала что-то от знакомых по учёбе. Да, мелькали какие-то сюжеты в новостях. Они ведь, кажется, снимаются в массовках, в исторических фильмах? А что, по нынешним временам – тема востребованная... Вот вам и повод: можно заявиться к ним якобы киностудии. Где эти «ахтырские гусары»? Ага, вот их форум...

Ой, такое ощущение, что попала на женский форум «хенд мейд»! Только вместо выкроек, блузончиков и узоров для вязания – раскрой мундиров, шинелей, покупка и продажа седел, оружия, обуви... Обсуждения швов, оттенков сукна, пуговиц... А цены-то, цены! М-да, недешёвое увлечение – эта реконструкция...

На всякий случай, девушка прокрутила архив форума за прошедший год. Оказывается, Олег Семёнов всю торговал всякими аксессуарами и даже оружием девятнадцатого века! Смотри-ка – «состояние отличное»! А ведь и Андрей упомянул, что историк таскал из прошлого всякие шмотки для приятелей по хобби...

Только вот, несколько месяцев назад он это занятие бросил. На форуме и по сей день сокрушаются – куда это исчез источник желанных раритетов? Неспроста?

Наверняка.

Алиса на секунду задумалась и настукала на клавиатуре: «Уважаемые господа реконструкторы! На киностудии имени Горького снимается костюмный сериал по периоду се-

редины-конца девятнадцатого века. Мы ищем типажи для массовки и второстепенных ролей. Если вас это заинтересовало, позвоните, пожалуйста, помощнику режиссера по кастингу Алисе Фроловой».

Позвонили практически сразу.

XII

Июль 2015-го года

День на свежем воздухе

Мужчины всегда подобно павлинам, распускают хвосты перед хрупкой девушкой – особенно, если она их фотографирует, а потом с широко открытыми, полными восхищения, глазами расспрашивает про их хобби. Делают они это по-разному. Одни расправляют широкие плечи и без лишней болтовни демонстрируют силу и ловкость. Другие начинают виться вокруг, указывая на различные части своей амуниции и с массой непонятных подробностей рассказывают про всякие штучки-дрючки. Третьи стараются обратить на себя внимание смешными байками – вот, мол, был такой случай... Но больше всего Алису бесят кадры, которые нависают над нею, вроде как дружески касаются плеча или талии, и говорят снисходительно-покровительственным тоном о высоких материях. Ага! Сам про честь и отвагу, а руку с талии не снимает – вроде как она там и лежала!.. Нет уж, ей сейчас интереснее байки. Поэтому она притормозила возле балагу-

ра Шурика и попросила его попозировать в разных ракурсах.

Съёмки неожиданно оказались весьма любопытными. Алисе повезло: она попала не на обычную тренировку конного клуба. Реконструкторы проводили какое-то своё мероприятие, называемое «манёврами», а потому на конюшне, кроме завсегдатаев, собралось ещё полсотни любителей костюмной истории – все в мундирах, увешанные саблями и длиннющими старинными ружьями со штыками. Даже пушка имелась – маленькая, бронзовая, кургузая, на зелёном обшарпанном лафете, с высоченными тележными колёсами. Стреляла пушчонка достаточно громко, смешно подпрыгивая и выбрасывая большой столб белого, воняющего серой, дыма.

Да и кроме пушки, посмотреть было на что: фактурное сумасшедшее обмундирование, шелковый блеск лошадиных шкур, молодые и не очень увлечённые лица. Вечернее солнце так удачно подчеркивает все складки, морщинки, проседь и лоск кожаных деталей. Пожалуй, сюда стоило ехать ради одной только этой фото-сессии. Надо будет не забыть и сделать репортажик – для своего блога, разумеется, не для Стёпиного. Мало ли что когда понадобится, а лишний материал с эффектными кадрами профессиональному репортёру не помешает. Глядишь, и получится куда-нибудь пристроить...

Тем временем, кудрявый Шурик решил продемонстрировать, какой он весь из себя гусар и Денис Давыдов. И для начала, поднял коня на дыбы – «на свечку», как говорят конники. Получилось до того эффектно, что Алиса попросила его повторить, но уже на камеру.

– Красиво, но всё равно, до барона ему далеко. – пробасил над её ухом «ахтырец» Тимур, один из числа любителей покровительствовать блондинкам. Надо же, незаметно подкрался!

– А кто у нас барон? – поинтересовалась девушка, делая шаг в сторону – подбирала ракурс поэффектнее, разумеется...

– Есть такой, к сожалению, не из нашего полка. Его Олег Семёнов и Каретников, медикус наш, приводили. Кавалергард потрясающий! Пошит и обвешан «от» и «до», а какой

наездник! Нам всем до него как до луны ра... в смысле – очень далеко.

– Это ты о ком? – ревниво поинтересовался пригарцевавший Шурик.

– Да о бароне. Помнишь, тот, что произвёл фурор на Вохненском фестивале?

– На Павловском Посаде-то? А то! На коне смотрится – чистый кентавр, – согласился Шурик. Он похлопал гнедую и картинно, небрежно-легко соскочил с седла. – У меня на планшете видео есть. Хотите покажу, Алиса?

– Очень хочу! – воскликнула девушка, отлично расслышавшая знакомые фамилии.

Шурик и Тимур чуть ли не наперегонки принесли свои планшеты. Сначала гостя полюбовалась великолепным бароном на Павлово-Посадском фестивале, потом стала бегло просматривать фотографии... Пойдите, а это кто? Так это же Роман Смольский! Точно, и вот тут, и тут! И практически везде он рядом с бароном. А вот они все вместе стоят: и Смольский, и Семёнов, и Каретников, вокруг барона. Так... «всё чудесатее и чудесатее – сказала Алиса...»

– Как найти этого барона? Типаж просто потрясающий, главреж будет в восторге!

– Знать бы! – пожал плечами Шурик, – Мы и сами его отыскать пытались. Такими кадрами, знаешь, не разбрасываются. Мы после Посада надеялись позвать его, провести с нами пару-тройку занятий, а вот поди ж ты – не нашли. На-

верное, Каретников знает, ну и Олег Иванович ещё – а больше никто. Они его оба раза и приводили. Мы барона спрашивали, откуда он, из какого клуба – отмалчивался, уходил от ответа. Странно, да?

– Да ладно, нашёл странность! – отмахнулся Тимур. – Многие стесняются своего увлечения реконструкцией, скрывают, особенно если по жизни занимают высокие посты. Вроде как не солидно. А барон – он явно военный, и в чинах. Может, вообще ФСБ-шник...

– И зря стесняются, между прочим. – заметил Шурик, – Это только кажется, что мы тут фигней страдаем и в солдатиков играем; а на самом деле мы проводим серьёзные исторические изыскания. Патриотизм, опять же!

Пока молодые люди наперебой нахваливали своё хобби, Алиса гадала, как перевести разговор на интересующую её тему? А именно – куда исчезли эти двое вместе с загадочным бароном? Размышления прервала мелодичная трель в сумочке. Так, кто там... Глеб? Ему-то что надо? Алиса, извинившись перед собеседниками, отошла в сторону:

– Слушаю.

– Привет, дорогая, – как ни в чём ни бывало, сказал Глеб, – Я стою у под дверью с цветами, а тебя нет!

– Я на загородном выезде. Заказ от киностудии, снимаю исторических реконструкторов. Это в Подмосковье, так что извини, буду не скоро.

– Когда? Я подъеду.

– Не стоит, Глеб, я буду уставшая: в душ и спать.

– А завтра?

Алиса заколебалась. Она ещё не разобралась своих чувствах к Глебу. А, если уж быть совсем честной, просто не думала о нём: новое расследование занимало все мысли начинающей журналистки.

– Глеб, у меня сейчас очень много работы, понимаешь? Давай созвонимся в воскресенье, ок?

– Алиса, ты же знаешь, что по воскресеньям я бываю у родителей, – укоризненно сказал Глеб.

В груди Алисы поднялось раздражение:

– Как хочешь. Значит, не будем созваниваться вовсе. – резко бросила она, и тут же пожалела о сказанном.

– Я позвоню в субботу в шестнадцать ноль-ноль, – невозмутимо ответил Глеб и дал отбой.

– Алиса, а у вас есть планы на сегодняшний вечер? Поинтересовался Шурик, явно слышавший телефонный разговор.

– Собираюсь поехать в Москву.

– А потом?

А что, можно бы и сходить с этим Шуриком в какую-нибудь кафешку – заодно и порасспросить его об исчезнувших. Совместить, так сказать, приятное с полезным.

– А потом... пока особых планов нет. Кажется.

– А давайте вместе сходим куда-нибудь? Вот я сегодня вечером совершенно свободен, в отличие от иных товарищей, обремененных женами и младенцами.

И Шурик победно покосился на Тимура.

– Что ж... – Алиса сделала вид, что задумалась. – Почему бы и нет? Уговорили.

А про себя злорадно подумала: «Вот так тебе и надо, Глеб – и не воображай, что я буду с готовностью подстраиваться под твой, расписанный на неделю вперед режим!»

XIII

Июль 2015-го года

Нет ничего лучше послеобеденной беседы.

– Где будем ужинать?

В гусарском мундире Шурик смотрелся гораздо круче, чем в джинсах и рубашке. Импозантнее, что ли, мужественнее?

– Давай так: я не люблю ни пафосные кабаки, ни дешёвые гастритники, но есть, тем не менее, хочу очень.

«А вот Глеб очень любит пафосные рестораны, – подумалось вдруг Алисе, – и не потому что там какая-то особенная кухня, а потому что «статусные».

– Я знаю неподалёку одно прикольное местечко, – задумчиво протянул Шурик, – но там своеобразная музыка.

– Своеобразная – это как? Надеюсь, не авторская песня? Или шансон? Бр-р-р..

– Ещё хуже, – почему-то рассмеялся Шурик, – рискнешь?

– Учти, если мне не понравится – встану и уйду, и неловко

мне не будет.

– Да не вопрос!

– Тогда договорились. Веди!

Кафе «Керубино»... Тут что, поклонники Бомарше собираются?

Интерьер, и правда, своеобразен: эдакое смешение эстетики комедии дель-Арто и стимпанка. Публика достаточно пёстрая. Масса небольших зальчиков, лесенок, переходов, в нишах которых пристроены столики на двоих. В одном из зальчиков – действующая выставка какого-то фотографа.

– Ого, вот это я понимаю, постмодернизм! – воскликнула Алиса, указывая на экспозицию.

– А у тебя выставки бывают? – поинтересовался Шурик, учтиво отодвигая стул.

– Пока училась, несколько раз были, а сейчас некогда этим заниматься. К тому же, далеко не всегда работа фотографа – творчество.

– Как сегодня, например?

– Сегодня? Ну, может быть пара фотографий чего-нибудь да стоят, – я имею в виду не вас, а композицию и прочую специфику. Как фотки для кастинга нормально, как самостоятельные произведения фотохудожника – скорее нет, чем да. Сегодня у меня «день ремесленника», а не «день художника».

Внизу заиграла музыка. Скрипки! Играют что-то современное, но на старинных инструментах. Точно, постмодер-

низм и есть, она не ошиблась.

А Глебу нравятся песни про любовь. И чтобы шоу, подтанцовка, чтобы кабаре и попса...

– Ты художник? – вдруг спросила девушка.

– Нет, что ты! Я – айтишник. Программист, не админ какой-нибудь.

– А я думала, что все айтишники сутулые, бородатые, носят очки и едят только пиццу. – Алиса «включила блондинку».

– У нас есть и такие. – усмехнулся Шурик, – У них ещё и пузо растёт. Спасибо верховой езде и вообще реконструкции, не дает расслабляться и зарастать бородой.

– А вот усы есть, и очень миленькие! – продолжала «блондинить» Алиса.

– А как иначе: гусар – и без усов! – Шурик картинным жестом подкрутил мужское украшение. – Да нам и по штату в полку положено!

– Верно, ваши все с усами – припомнила девушка. – Хорошо хоть бороды вам не положены по штату!

– Это у французов бороды, у тех, кто шьётся на сапёров – продемонстрировал эрудицию Шурик. – У них в истории так и было: если сапёр – значит непременно бородатые, в белом кожаном фартуке, медвежьей высоченной шапке и с топором. Да ты и сама видела – на манёврах был сапёр из третьего гусарского. Помнишь, такой, в сером мундире с красными шнурами?

– Чисто гном – хихикнула Алиса. Она, конечно, запомнила этот колоритный персонаж. Даже удивилась, до какой степени борода не сочетается с привычным по фильмам образом гусара. Скорее уж, махновец из «Свадьбы в Малиновке»!

– Точно. А у русских офицеров могут быть бакенбарды. Если человек пожилой, то круто смотрится, хотя и несколько несовременно...

– Шурик, а Расскажи мне поподробнее про этого замечательного барона. – сменила тему Алиса. – Понимаешь, уж очень здорово он подходит для одного из эпизодов фильма. Прямо как с эскиза нашего художника-постановщика сошёл, настоящая находка! Если я его не отыщу – главреж мне ни за что не простит!

– Дело в том, что я про него почти ничего не знаю. Он и появлялся-то всего пару раз. Сначала его заприметили на фестивале «Времена и эпохи» в парке Коломенское прошлым летом. Барон явился туда в форме восьмидесятых годов девятнадцатого века. Рановато по эпохе, но сделано всё «от и до». Полное ощущение реальности, понимаешь? Вот если совсем честно, то поставь меня рядом с ним, и сразу будет видно, что я – ряженный, ненастоящий. А на нем всё сидит, как влитое! И дело даже не в пошиве, а в том, как всё это носишь. Мне привычнее вот так, в джинсах, и это, конечно, чувствуется – а он в этом мундире будто родился!

– Значит, словно из девятнадцатого века пришёл? – за-

думчиво спросила Алиса.

– Во-во, в самую точку! Такого эффекта достоверности может достичь только очень опытный реконструктор с большим стажем. И такие в наших кругах все наперечёт. Таланта, не скроешь, как говорится! Сама подумай: если человек столько сил, умений, денег, наконец, вложил в своё хобби – зачем ему прятаться? К тому же мундир – мундиром, а многие вещи только в общении с себе подобными вырабатываются: стиль поведения, навыки верховой езды, в конце концов! Не как у спортсмена, заметь – как у военного, армейского кавалериста! И это при том, что в Алабине он не служил – проверяли, у нас есть люди оттуда.

– Может, из президентских конных гвардейцев? – предположила девушка. По молодости лет она понятия не имела об Алабинском кавалерийском полке, созданном некогда для съёмок батальных сцен. А вот разводы конных караулов в Кремле не раз видела по телевизору.

– Сомнительно. – покачал головой Шурик. – Они ведь тоже известны. Да и сколько их – пара сотен? И потом, видела, у него усы? А у президентских кавалеристов лица бритые, так уж им полагается. Есть, правда, ещё конная полиция. Мы спрашивали ребят, которые там служат – они барона в глаза не видывали. К тому же, конных полицейских учат по-другому...

– А может он не из Москвы? Живёт в каком-нибудь Урюпинске, вот и...

– И что? Нас, реконструкторов, не так уж много, несколько тысяч на всю Россию. И человека такого уровня должны хорошо знать. Мы его долго искали, списывались. Он как ниоткуда появился и исчез в никуда!

– А второй раз?

– Его Макарыч с Олегом привели.

– Макарыч?

– Да, Андрей Каретников. Он по жизни хирург, реконструирует военного медика. Ездит обычно с ахтырцами, когда на эпоху наполеоновских войн, когда на ПэЭмВэ. Это мы так Первую Мировую войну называем. – пояснил Шурик, увидев недоумение собеседницы. – Кажется, тоже на полевого врача пошит, но не поручусь – не мой период.

– А сегодня он на ваших манёврах был?

– Нет. Его что-то тоже давно не видать. Так я о чём – в тот, второй визит барон был в форме тысяча восемьсот двенадцатого года. А в этом периоде я разбираюсь очень даже неплохо. У него снаряжение очень дорогое, достоверное и аутентичное до мелочей. А как ездит! Да ты сама помнишь, я же показывал видео. Он в седле как родился! Понимаешь, так ездят профессионалы, но не спортсмены. Он – настоящий кавалерист. К тому же, масса нюансов, понятных только знатоку. Оговорки, понимаешь? Он не просто великолепно ездит. Такое впечатление, что он сам прошёл кавалерийскую школу. Это из мелочей складывается – словечки, ухватки, манеры, приёмы всякие – как с оружием обращается, как ча-

сти амуниции называет...

А самое главное – строй. Езда в кавалерийском строю, по военному, понимаешь? Мы этому только по книгам обучались, а тут – как вживую увидели! Ребята потом говорили: это ж как надо в материал войти! И такого крутого специалиста никто в наших кругах не знает! Есть с чего удивиться! Он будто не просто реконструктор, он словно сам пришёл из девятнадцатого века!

– Словно из девятнадцатого века пришёл... – эхом отозвалась Алиса. По спине у неё отчётливо забегали мурашки. Что там говорил этот бандит из Сербского? Ну да, что Ольга спуталась с каким-то офицером из прошлого. Неужели, с этим самым бароном?

Внизу саксофон надрывно и пронзительно выводил мелодию из «Шервудских зонтиков».

– А имя у барона есть?

– Я знаю только фамилию – Корф.

– А что Семёнов и Каретников о нём говорят?

– В том-то и дело, что ничего, оба перестали выходить на связь. Уже с месяц, наверное. Жаль, кстати, Олегыч – мы так Семёнова зовём – в последнее время стал интересные штучки продавать. Я как раз хотел ему заказать настоящие, «родные» строевые шпоры, да вот, не успел...

Еще один нюансик! Алиса встряхнула головой, отгоняя наваждение. Взглянула на Шурика:

– А вот скажи, эти двое – ваши товарищи, верно? И они,

как я понимаю, куда-то делись, причём довольно давно. Почему же вы не поинтересуетесь, что у них стряслось? А если беда?

Шурик удивился:

– Ну, мало ли, какие у людей могут быть обстоятельства? Случись что-то серьёзное – наверняка дали бы знать, у нас это принято. Олег Семёнов в реконструкции с самых истоков. Начинал, как ролевик, в девяностых, потом стоял у истоков российской реконструкции на средние века. Так что, если позовет на помощь – много народу откликнется. Может, уехал куда-то? Он на подъём лёгкий, любит по странам и континентам попутешествовать. Взял Ваньку, сына своего, и двинулся в культурный вояж. Я сам зимой в Чехию ездил – по музеям пройтись, архитектуру посмотреть, вдохнуть воздух старой, заповедной Европы. Да и по фестивалям любой из нас немало поездил – например, недавно Лейпциг был, двести лет «Битвы народов»...

Разговор плавно перетёк на другие темы.

XIV

Июль 2015-го года

Утро за клавиатурой ведёт к депрессии.

Проснулась Алиса поздно, и сразу после гимнастики и чашки пуэра села писать. Степан Стопкин вышел на Охоту.

Равнодушие большого города.

Москва – настоящий мегаполис. И когда в нем кто-нибудь исчезает, окружающие подчас замечают это далеко не сразу. Вот, например: жили-были брат и сестра. Она училась на медицинском, он только что вернулся из армии и пытался понять, чем заниматься дальше. А потом они исчезли. И представьте себе, никто этим не заинтересовался. Может быть, только почтальон обратил внимание на то, что из ящика уже четвертый месяц не вынимают счета и рекламные листки. Да и то, лишь потому, что не смог впихнуть в ящик очередную порцию макулатуры.

Может быть, забили тревогу преподаватели в университете – куда это пропала студентка, подававшая такие надежды? Да нет, и они ограничились крестиками в ведомости, в графе «посещение занятий». Разве, сокурсницы отметили, что перед исчезновением, студентка куда-то подолгу уезжала. Видимо, бойфренд в другом городе? Ну что ж, дело самое обычное...

А на исчезновение брата-дембеля вообще никто внимания не обратил, ни приятели, ни соседи. Могли бы забить тревогу армейские друзья (а эти связи прочнее иных-прочих) но все они, как назло, обитают в других городах...

Мне скажут: «Ну, так взрослые люди, мало ли что? Вот если бы ребенок пропал...»

Пропал.

Почти отличник, активный, спортивный мальчик – и

вдруг начинает пропускать школу, якобы «по болезни». А потом тоже исчезает. Причём в то же самое время, что и брат с сестрой, о которых шла речь выше. А что же, одноклассники, учителя? А ничего – пожимают плечами: «Наверное, он в больнице»...

Кстати, отец мальчика тоже исчез, приблизительно в то же время. Коллеги и друзья не в курсе, где он – причём даже не сочли нужным поинтересоваться, почему это журналист, ценный сотрудник издания, перестал появляться в редакции. Наверное, свои дела. Фрилансер, что с них взять!

А ведь есть в этом деле ещё один персонаж – приятель журналиста, врач, знакомый, кстати, с той самой, исчезнувшей девушкой. Взял отпуск за свой счёт – и не вернулся на место работы. И это сейчас, когда над московскими врачами висит угроза тотального сокращения! Коллеги расстраиваются, переживают, конечно, но в меру. Никто не собирается бить тревогу и вообще, как-то менять привычный ритм жизни. А руководство? Отреагировали, а как же! Назначили временного и.о. – не может же отделение долго оставаться без заведующего? А дальше – пусть бухгалтерия разбирается.

Я иду по их следам, копаю прошлое этих персонажей. Я хочу знать, что случилось с этими, такими разными людьми, совсем недавно, всего несколько месяцев назад. И я не останавлиюсь.»

У Стёпы Стопкина много подписчиков – а вдруг кто-то что-то да подкинет?

Алиса долго и старательно искала «барона» Корфа. Безрезультатно; отлучалось, что, если не считать двух эпизодов на фестивалях, то получалось, такого человека вовсе нет на свете! Алиса запускала поиск по фотографии, по фамилии, и всякий раз – неудача.

Точнее, всякий раз поиск приводил её к древнему роду Корфов, жившему в России с пятнадцатого века. Они были предками Набокова, и вот что он писал об их внешности:

«...В живучих старых родах определенные физиономические характеристики повторяются раз за разом, словно некие указатели либо клейма творца. Набоковский нос (нос моего деда, к примеру) отличается мягким, округлым, чуть вздернутым кончиком и лёгкой вогнутостью, если смотреть в профиль; нос Корфов (к примеру, мой) – это добротный немецкий орган с крепким костистым хребтиком и чуть покатым, явственно желобчатым кончиком. Выразая презрение либо изумление, Набоковы приподнимали брови, относительно густые лишь у переносицы и почти исчезающие ближе к вискам; у Корфов брови изящно изогнуты, но также довольно редки.

В остальном же Набоковы, теряясь в тенях картинной галереи времени, скоро сливаются со смутными Рукавишниковыми, из которых я знал только мою мать и её брата Ва-

силія – слишком малая выборка для моих нынешних целей.

С другой стороны, женщин из рода Корфов я вижу вполне отчётливо: прекрасные лилейно-розовые девы с высокими, румяными pommettes, бледно-голубыми глазами и той маленькой, похожей на мушку родинкой на щеке, которую моя бабушка, мой отец, трое или четверо его сестер и братьев, некоторые из моих двадцати пяти кузенов и кузин, моя младшая сестра и мой сын Дмитрий наследовали в различных степенях проявленности, будто более или менее чёткие копии одной и той же гравюры...»

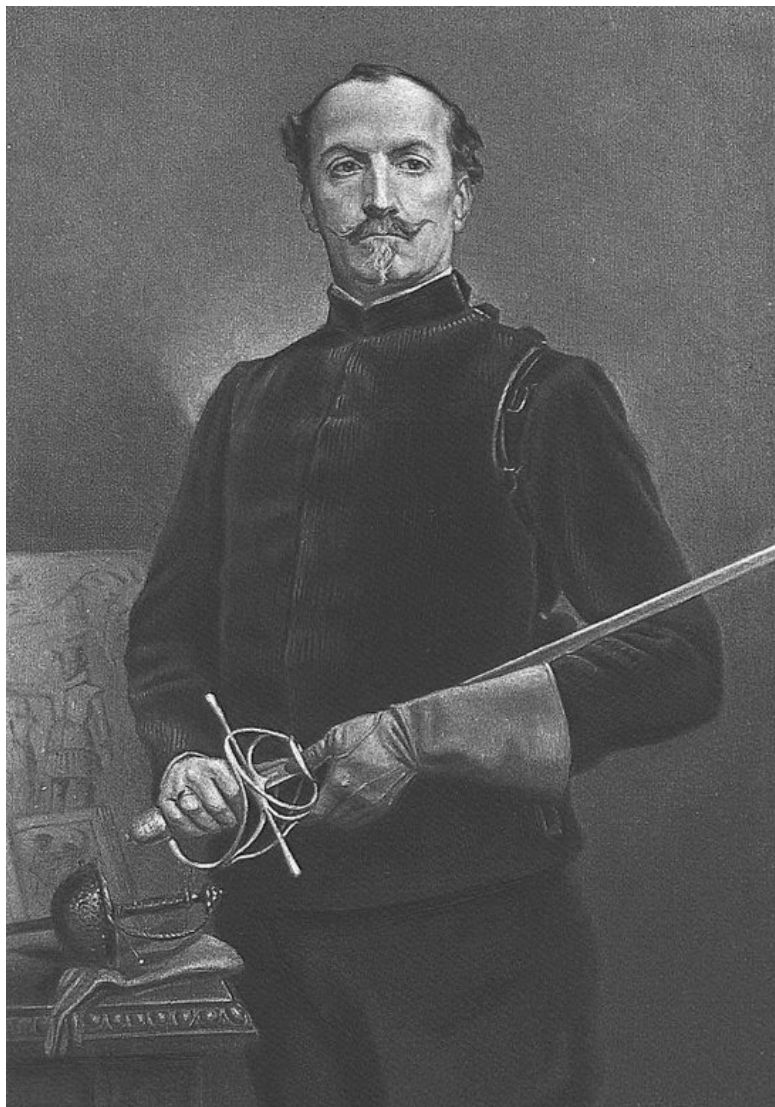
От отчаяния Алиса начала выискивать по сети фотографии исторических Корфов, чтобы сравнить их внешность с внешностью таинственного реконструктора. Фотографий оказалось достаточно много. И вдруг...

Вдруг она увидела ТОГО САМОГО барона!

Подпись – Евгений Петрович Корф. Родился в 1844 году, племянник достаточно известного историка Модеста Корфа, окончил Царскосельский лицей, сестра Анна, служил в лейб-гвардии, вышел в отставку, владелец фехтовального элитного клуба, в 1895 году уехал во Францию, точная дата смерти не известна.

На фотографии он стоял в фехтовальном костюме девятнадцатого века. Правая рука уверенно держит шпагу с замысловатой витой гардой. ещё одна шпага лежит рядом на столе. Этаким Эскамильо! Ольгу Смольскую вполне можно

понять – прям, широкоплеч, суров... Есть ли родинка – этого на зернистой фотографии позапрошлого века не видно.

А вот на современных – вполне даже видно.

И ведь никому не расскажешь – не поверят! А вот она, Алиса уже верит в то, что этот уголовник Андрей никакой не псих. Слишком много совпадений, и главное доказательство – вот этот самый, настоящий барон Корф, который смотрелся подлинным среди обряженных в самопальные мундиры реконструкторов. Ещё бы – лейб-гвардеец! Конечно, всё смахивает на грандиозную мистификацию, но кому бы, интересно, понадобилось её устраивать? И зачем? Так можно и в теорию заговора поверить, скатиться в конспирологию и вообще... Только вот Дрон попал в Сербского на самом деле.

Алису отвлек звонок. Глеб. Точно, сегодня же суббота!

– Слушаю.

– Добрый день Алиса, я стою возле твоей двери. Алиса сворачивает браузер.

Глеб в костюме и при галстукe. В руках алая роза.

– Вижу, ты прямо с похорон.

– Совершенно неуместный сарказм, Алиса, я пришёл мириться.

Алиса очень любит розы, и Глеб это знает. Ваза, таблетка аспирина в воду, ножом надрезать черенок... Алиса входит в комнату и обнаруживает Глеба за её компом.

– Ну что за беспардонность, Глеб! Какого чёрта ты туда залез?

– Между нами не должно быть секретов, не так ли? – Глеб

встает и торжественно произносит: – Я думаю, что наши отношения уже вполне определены. Поэтому нам пора оформить их надлежащим образом. Официально.

– Вот как? Не «выходи за меня замуж» или «я прошу твоёй руки», а «пора оформить надлежащим образом»? То есть, ты уже всё решил, и мое мнение значения не имеет?

Глеб удивился. А Алису понесло: она высказала ему все, вылила на всю накопившуюся обиду. Девушка не могла остановиться – ярость поднималась бурлящей лавиной и сжигала все мосты.

Глеб слушал её молча. Его лицо сделалось непроницаемым и отстраненным. Когда Алиса замолчала, он произнес только одну фразу, в которой не было ни одного непристойного слова, но смысл был столь грязен, что Алиса задохнулась от обиды:

– Уходи немедленно, пока я...

И Глеб ушёл.

А Алиса в сердцах смахнула на пол вазу с розой, упала в кресло и залилась слезами. Все. Рубикон перейден, мосты сожжены.

Весь следующий день Алиса не отвечала на звонки, а занималась уборкой. Генеральная уборка – отличный способ вплеснуть ярость, спустить пар и вообще, успокоиться. «Генеральная» – это от слова «генерал»: в армии, говорят, подобное наведение порядка устраивают перед визитом в полк

генерала. Старорежимного такого, в аксельбантах, при шпаге и крестах. Кстати, в роду Корфов тоже были генералы...

К вечеру, когда квартира заблестела, Алиса уселась, наконец, за компьютер. Надо всё же до конца разобраться со всей этой историей!

На минуту допустим, что барона Корфа на самом деле доставили из прошлого Семёнов и Каретников. Зачем? Покрасоваться перед приятелями по увлечению реконструкцией? А что, правдоподобно – они все друг перед другом выпендриваются, у кого шовчики достовернее. «Аутентичнее», как у них принято говорить.

Семёнов, кстати, в течение примерно года, до самого своего исчезновения, активно торговал раритетами. И не только формой – и оружием, между прочим. Вот только, откуда у него столько всяких старинных ружей и сабель «в отличном состоянии», как он сам рекламирует на форуме? Наверное, всё оттуда же, из прошлого, как и говорил Андрей-Дрон. Он же говорил, что «эти двое», когда обзавелись порталом, не стали теряться и принялись «рубить бабло»? А раритетный мушкет, между прочим, тянет на пару-тройку тысяч евро...

А может, наоборот: Корфа приводили сюда, чтобы показать ему будущее?

Ну ладно, гадать будем потом. А пока – факты. Теоретически, в квартире Семёнова должны остаться какие-нибудь раритеты – ведь портал заперли неожиданно, из-за вторжения бандитов, организованного Геннадием и Андреем. По-

пасть бы в эту квартиру, благо адрес известен...

А если всё это – чушь и чепуха? Просто чередa совпадений?

Вот и выходит, что как ни крути, а надо обязательно добраться до квартиры Семёновых. Для начала – просто позвонить в дверь, заглянуть в почтовый ящик. Соседей, опять же, расспросить, прикинувшись журналисткой. Наверняка, человек он яркий, такие привлекают внимание. А там – по обстоятельствам.

Алиса никак не решалась признаться самой себе, что дело, пожалуй, уже не в расследовании. Просто после разрыва с Глебом её натура срочно требовала встряски, авантюры, адреналина. Чтобы не сидеть на диване и не рыдать с подушку, вспоминая загубленную розу и прощальную горькую обиду.

XV

Июль 2015-го года

День неправедных размышлений

Итак. Имеется адрес Семёнова, тот, что Алисе удалось раздобыть в редакции. Осталось привести себя в порядок – и можно отправляться. Настроение боевое, Рубикон остался далеко позади – блогер Степан Стопкин вышел на Охоту! По дороге к дому Семёновых, пять минут пешком от метро «Университет», и Алиса даже принялась напевать: «Тореадор, смелее в бой!» Потом сама рассмеялась – ну точно, как

в старом, советских времен, кино!

Двор, полный высоченных тополей. Обычная панельная двенадцатизэтажка. Обычный кодовый замок, старого типа, почему-то, без домофона. Странно, район престижный, в таких на средствах безопасности не экономят... Вон, в соседнем подъезде даже видеокамера стоит. А тут – раритет чуть ли не девяностых.

Впрочем, оно и к лучшему. Кода Алиса не знает, но это не беда: часть кнопок вытерта до белизны, подобрать нужную комбинацию дело пяти минут. Консьержки, понятное дело, нет – вот и славно, а то выкручивайся...

Почтовый ящик ожидаемо забитый счетами и рекламой, легко поддался вороватому движению пилки для ногтей. Так, самый ранний счёт... какая-какая дата? Верно, всё сходится!

Разумеется, Алиса ошиблась этажом. Сначала ей показалось, что лестницы вовсе нет, только два лифта, но потом девушка заметила в конце коридора обшарпанную дверь. Да, точно: за дверью лестница, которой, скорее всего, пользуются одни только курильщики.

Позвонила в нужную дверь – отозвалась музыкальная трель. ещё раз. И еще. Нет ответа. И зачем она сюда припёрлась, если и так ясно, что никого дома нет?

Алиса-то прекрасно знала, зачем, только пока не решалась признаться в этом даже себе самой.

«Тореадор, смелее в бой!»

Подёргала за ручку – конечно, закрыто. В железной, надёжной на вид двери – два замка. Даже если заперто на один, всё равно, бесполезно.

Бесполезно – что?

Она вышла на лестницу. Типичная планировка: справа узенькая дверь на балкончик. Вышла, закурила. Огляделась – напротив слепой торец точно такой же многоэтажки. А слева... Перехватило дыхание: форточка в ближайшем окне приоткрыта! Да это же квартира Семёновых! Она что, открыта с самого отъезда хозяина? Наверное... только вот, как туда добраться?

Алиса погасила сигарету, спустилась на первый этаж и поспешила к машине. В подъезде или на улице о таких вещах разговаривать не стоит.

– Алло, Олежик, привет! Можешь говорить? Мне нужна твоя консультация. Я тут книгу задумала – там одному персонажу надо перебраться с балкона лестничной площадки в приоткрытое окно, метрах в трёх-четырёх. Вот я и вспомнила: ты, вроде, когда-то промышленным альпинистом подрабатывал?

– Книгу, говоришь, задумала? – подозрительно переспросил Олежик.

Алиса поспешно принялась уверять: «да, конечно, именно книгу и именно задумала, а как же иначе?» Выходило убедительно.

Пока.

– Это очень просто. – сдался Олежик. – Спускаешь верёвку с крыши или с такого же балкончика, только этажом выше. По ней спускаешься до нужного уровня, отталкиваешься, раскачиваешься и цепляешься за окно. Только верёвку крепить надо повыше, чтобы амплитуда была нормальная. Если твой персонаж физически крепкий, то вполне может проделать это с одной верёвкой, держась руками...

– Нет! – воскликнула Алиса, – Он со страховкой будет!

– А, ну тогда хватит нижней альпинистской обвязки.

– О, спасибо большое, я не буду вдаваться в детали, просто упомяну эту обвязку.

– А, ну отлично! – кажется, эти слова убедили Олежика, что Алиса никуда сама лезть не собирается.

А она и не собирается. Это всё не она Степан Стопкин. Эй, ну зачем саму-то себя обманывать?

Интернет сообщил, что стоит эта обвязка от трёх тысяч рублей. И Алиса отправилась в магазин «Мир приключений», благо располагался он как раз неподалёку, на том же Ленинском. Спасибо ГУГЛ-карте, надоумила...

Восторженные голубые глаза хрупкой блонди и рассказ о дипломном фильме во ВГИКе, где та должна повиснуть на верёвке, подтолкнули щеголеватого менеджера на подробные объяснения: как закрепить верёвку, какими узлами, и что ещё для этого нужно. В «Экстриме» Алиса оставила около десяти тысяч. Эти верёвки, с виду, такие тонкие – но выдерживают до тонны веса, а потому, очень дорогие. И обвяз-

ка. И карабины. И перчатки, чтобы руки не ободрать. Да, перчатки точно нужны – отпечатки пальцев оставлять ни к чему. Лучше, конечно, было бы прийти с Олежиком, наверняка вышло бы дешевле. Но сколько можно беззастенчиво врать? Да и не те у них отношения...

Дома Алиса, путаясь в пряжках и лямках, несколько раз надела и сняла обвязку – прилаживая незнакомое снаряжение, разбираясь в креплениях. Наконец, барахло упаковано в объёмистую сумку, и та заброшена на заднее сиденье машины. Осталось найти подходящую спортивную площадку – но чтобы подальше от дома. Спасибо мэру, таких теперь в Москве полным-полно. Там шаг за шагом, вдумчиво, старательно проделать все необходимые манипуляции – для начала, вися на верёвке, на высоченном турнике. День рабочий, вокруг никого, только бабулька собачку выгуливает. Косится подозрительно... и принесла её нелёгкая именно сейчас!

«Кстати, о бабульках – они же всё примечают! Если на улице Казакова был портал, то обязательно отыщется старушка, которая хоть что-нибудь, да видела! Вот только где именно – на Казакова? Андрей-Дрон из института Сербского номер дома не назвал. Ну ладно, с этим потом разберёмся, а пока Алиса раскачивается на подвесе – и, раскачавшись, и хватается за боковую стойку турника. Кажется, в самом деле просто? Осталось испытать новоприобретённый навык не на спортплощадке, а в деле.

XVI

Апрель 1888 года

День человека в мундире.

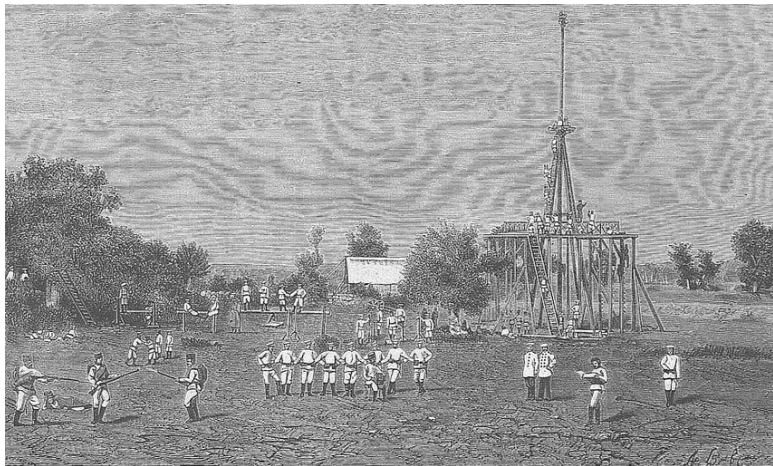
Так уж вышло, что никто из «гостей из будущего», за исключением Олега Ивановича, так и не озаботился собственными жильём в Москве. Да и зачем? В прошлом – во всяком случае, до поездки в Питер – они появлялись лишь наездами, будто на экскурсии, а при необходимости всегда можно было заночевать у Семёновых, благо половина пятикомнатной квартиры пустовала или была завалена разного рода полезным барахлом. И вот теперь, когда неумолимые обстоятельства вынудили всерьёз и надолго обосноваться в прошлом, каждый решал этот вопрос по-своему. Собственно, из всех обитателей двадцать первого века, в Москве остался лишь сам Ромка, остальные перебрались в Петербург. Квартира Семёновых на улице Гороховской пустовала, в бывшем складе на цокольном этаже располагалась принадлежащая Олегу Ивановичу веломастерская, занимавшаяся обслуживанием и тюнингом «Дуксов». Тем не менее, Ромка отклонил предложение поселиться в пустующих апартаментах. Вместо этого он снял у домовладельца, Василия Петровича Овчинникова, дяди Николки, одну из освободившихся квартир, в которой раньше обитали студенты. Так что, теперь Ромка – то есть, Роман Дмитриевич, – обитал на Гороховской на вполне за-

конном основании.

В новом обиталище молодой человек показывался нечасто. По большей части, он проводил время в Фанагорийских казармах – резервный Троицко-Сергиевский батальон Фефёлова развернули в Особые учебные роты и отработывали на их базе новинки, которым предстояло в самом скором времени пойти в войска. Замысел Особых учебных рот возник у Ромки в Петербурге, во время посещения Офицерских Классов Никонова при Морском Училище. Здесь, правда, предстояло делать вещи более практические: тренировки с краскострельными ружьями, новую систему физподготовки, курс тактических занятий. А так же знакомство армейских офицеров с применением новейших видов вооружения – ручных гранат и пехотных миномётов. Тульский завод уже осваивал новинки, но для тех же миномётчиков ещё даже не было места в штатах по действующему уставу. Работы было непочатый край, к тому же, на Ромке, фактически, повисла московская организация «волчат-разведчиков»: два раза в неделю приходилось вести занятия с мальчишками. Дело, затеянное когда-то им и Фефёловым, обернулось неожиданно серьёзно: после мартовских, 1887-го года, уличных боёв в Москве, когда черед порталы на улицы Первопрестольной ворвалась банда вооружённых автоматическим оружием мотоциклистов, именно «волчата» встали у них на пути. С тех пор это движение приобрело необыкновенную популярность, и, кроме того, августейшую поддержку, в лице цеса-

ревича.

Так что времени у только что произведённого поручика категорически не хватало — тем более, что немалую его часть приходилось тратить на учёбу. Только освоение старорежимного правописания далось Ромке изрядной кровью, а ведь на очереди были и верховая езда, фехтование и прочие обязательные для армейского офицера дисциплины, вроде уставов, топографии и военной истории! Да и тактику придётся изучать — теперешнюю, рассчитанную на атаки густыми цепями, шрапнели, кавалерию и винтовки Крнка! И то ли ещё будет: пока поручик Смольский откомандирован в распоряжение полковника Фефёлова, но недалёк тот час, когда он получит и самостоятельную должность, и забот только прибавится...

Но Ромка не унывал. Увидев себя в зеркале, в мастерской у старика-портного, обшивавшего офицеров московского гарнизона, вчерашний десантник понял, что счастлив по-настоящему. И дело не в ладно сидящем, в рюмочку, кителе и бриджах, не в золотых погонах с императорским вензелем (буква «А» в завитках и римская тройка), и даже не в богатой, выложенной серебром персидской шашке, подарке барона, которую он носил вместо уставной «пехоцкой» сабли.

Ромка впервые почувствовал себя на своём месте. Он с детства был равнодушен к исторической беллетристике и сериалам, которые любой знаток истории кроет, на чём свет стоит. Сколько раз, просматривая «Баязет», снятый по обо-

жаемому им Пикулю, он представлял себе: как бы он действовал бы в этих горах, окажись он на месте поручика Карabanова, урядника Трёхжонного и прочих персонажей. И гадал, как воевалось им тогда – без вертушек, автоматических миномётов и самоходных гаубиц, без БТРов, автоматов с подствольниками, «шмелей», спутниковой связи и прочих плодов прогресса.

Нет, положительно, жизнь удалась, радовался поручик Смольский – особенно когда на полигоне Тульского завода положил первую пробную серию мин из новенького МЛП-88 (Мортира лёгкая, пехотная, модель 1888-го года) в круг-мишень. Оружие вышло на загляденье; Ромка, который неплохо освоил в своё время обычный «поднос», не нашёл особой разницы. Ну, может, сделано не так аккуратно, чуть потяжелее, прицел попроще – а так ничего, стрелять можно! Против плотных цепей и пехоты в лёгких полевых укреплениях – настоящее «вундерваффе». А ведь на тульском заводе уже идут работы с пулемётом на основе ПКМ, да и ка рабин Мосина с откидным штыком вот-вот пойдёт в войска вместо громоздкой, неудобной винтовки, ко торая в знакомой Ромке истории появилась только в 1891-м году.

Дело было за бездымным порохом, производство которого только предстояло наладить. Вопросом занимался лично Менделеев, а так же непризнанный гений отечественной химии штабс-капитан Панпушко¹ – энтузиаст, трудоголик,

¹ Семён Панпушко – химик, артиллерист, автор труда «Заводское пригото-

жюльверновский чудака, отозванный Франции, где он изучал производство взрывчаток. Химики получили полный пакет документов по рецептуре порохов, так что автору периодической таблицы не придётся просиживать ночи над отчётами французских железнодорожных компаний, выводя из общего числа вагонов с углём, селитрой и прочими ингредиентами, нужную формулу...²

В ближайшее время планировались испытания ранцевого огнемёта – опытной, перспективной модели, которую предстоит ещё доводить до ума. В качестве огнесмеси в ней использовался кустарный напалм, тоже разработанный в лаборатории Менделеева. В области пехотного вооружения Корф и его сотрудники мудрить не собирались: после того, как особо отобранные, доверенные специалисты изучили информацию из будущего, русские оружейники и инженеры получали конкретные технические задания – уже с эскизными проектами, чертежами, детальным описанием требуемого результата. Нет, никто не обещал в самое ближайшее время «калашей» и «тридцатьчетвёрок», но сдвиги уже имелись, и достаточно заметные.

И подобное происходило не только в области вооружений. Раз в неделю Ромка работал с группой, занимавшейся новым пехотным снаряжением и униформой. Укорочен-

ление пироксилина и нитроглицерина».

² Таким способом Менделеев в 1890-м году разгадал рецептуру французского бездымного пороха; все данные были взяты из открытых источников.

ные сапоги, мешковатые камуфлированные штаны и куртка, кепи, жилет-разгрузка, бушлат для осенне-весеннего периода... сколько же ещё предстояло сделать! Коллеги-офицеры, поначалу воспринимавшие странного выскочку с недоверием, теперь поглядывали на него уважительно. А Фёдоров раз за разом уже заводил разговор о формировании особой «примерной» роты – под его, Ромки, командой.

Но, пока суд да дело, новоиспечённый поручик делил своё время между десятком занятий в разных концах большого города. Увы, Москва 1888-го года – это не мегаполис двадцать первого века: транспорт не тот, и, главное, связь. Телефон здесь считался экзотической новинкой; хотя открытие первой ручной телефонной станции системы Гилеланда компании Белла в доме купца Попова на Кузнецком Мосту состоялось шесть лет назад, в 1882-м, во всём городе не насчитывалось пока и тысячи абонентов. Москвичи, как и полвека назад, полагались на услуги рассыльных – особого вида городских служителей, носивших приметные малиновые фуражки с надписью по околышу: «Рассыльный... артель...». В Москве их именовали «красные шапки»; публика эта, в отличие от мальчишек на побегушках, состоящих при всякой лавчонке, была в летах: рассыльный должен своим видом внушать клиенту уважение и доверие. В рассыльные нередко шли отставные солдаты; кучковались они возле гостиниц, театров, на площадях, неподалёку от извозчичьих бирж и известных трактиров. Таким давали всевозможные поручения:

срочно доставить письмо, документы, отнести букет, коробку конфет с записочкой, подарок даме, вызвать барышню на свидание.

Один из таких красношапочных порученцев – по виду отставной солдат, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, с длинными, пшеничными в седину усами – и постучался в дверь квартиры на Гороховской. Передав хозяину запечатанный пакет и получив пятак на чай, рассыльный буркнул «рад стараться, ваш сокородь», повернулся, демонстрируя армейскую выправку, и бодро затрусил вниз по лестнице. Ромка проводил его взглядом и взялся за депешу.

Всё же, привычки, принесённые из будущего, неистребимы. Нет, чтобы добраться до кабинета – благо он имеется в новом жилище и даже снабжён всеми необходимыми атрибутами для работы с корреспонденцией, как то: столом с пресс-папье, бронзового литья письменным прибором и костяным ножиком для бумаг. Надо вульгарно вскрыть конверт чуть ли не зубами, как он это делал дома, стоя на лестничной клетке, возле синюшных почтовых ящиков с номерами квартир... Интересно, булгаковский поручик Мышлаевский тоже сразу надрывал конверты в прихожей, или шёл в кабинет? Вот доктор Турбин – тот наверняка делал всё обстоятельно: усаживался в кресло, пододвигал к себе нож для бумаг, потом клал конверт перед собой, точно посередине, между письменным прибором и монументальной лампой, на уютное зелёное сукно. И только тогда аккуратно поддевал заклеенный

угол полупрозрачным костяным лезвием...

Ромка отогнал от себя неуместные мысли (вчера, после стрельбища он допоздна засиделся над «Белой гвардией») и надорвал плотную бежевую бумагу.

Конверт, с которым обошлись столь непочтительно, полетел на столик под зеркалом, между стойкой для галош и корзиной для тростей и зонтиков, а Ромка (простите, поручик Смольский!) торопливо зашуршал письмом.

XVII

Июль 2015-го года

Темнота благоволит неправедным замыслам.

Светлые старые джинсы, кроссовки, серая водолазка – чтобы не выделяться на плиточной облицовки стены дома. Верёвку аккуратно свернуть. Всё тщательно уложить в рюкзачок, чтобы никакой путаницы. Попрактиковаться пару раз... отлично, руки сами находят нужный предмет. Перчатки. Что ещё забыла? Документы надо оставить в машине, а то мало ли?

Уже только в тёмном подъезде Алиса осознала, что сейчас она «взаправду», на самом деле, полезет в чужую квартиру. До сих были игрушки, но это – это уже серьёзно. Глеб наверняка назвал бы такой поступок неоправданным безрассудством. Ну и пусть! Алиса проверила, крепко ли сидит на кронштейнах и трубах батарея. Шатается как-то подозри-

тельно – нет уж, привяжем верёвку к перилам, так надёжнее. В Алисе, конечно, едва-едва полсотни кэгэ наберётся, а всё же....

Двумя этажами выше хлопнула дверь, послышались шаркающие шаги – кто-то вышел покурить. В шлёпанцах, наверное, и в замызганной майке, топчется по кафелю, харкает в окно. Вот свинья! Алису передёрнуло от отвращения. Она, понимаешь, только настроилась на джеймсбондовские подвиги, а тут...

Девушка замерла, стараясь не дышать. И что не спится этому уроду? Ушёл? Да. Выждать ещё минут пять – для верности, а то вдруг захочет ещё одну сигаретку выкурить? Как медленно ползут стрелки часов...

Пора!

Сердце гулко стучит в груди.

Алиса вытравила верёвку – жестяной подоконник окна загрохотал, прогибаясь. Под ногами десятки метров пустоты... Не думать, вниз не смотреть! Алиса медленно-медленно сползла на два этажа вниз. Все, стоп! Верёвку застопорить специальным карабином... подумать только: сейчас её жизнь зависит от того, в самом ли деле эта верёвка выдержит вес человека! Хотя, Олежик говорил до двух тонн... а вдруг бракованная?

Нет, не думать об этом!

Алиса попыталась раскачаться. Получилось как-то криво – едва-едва удалось коснуться рамы кончиками пальцев.

ещё попытка – опять неудача. Только бы вцепиться в раму – уж тогда она её ни за что не выпустит. НЕ смотреть вниз!!! Оттолкнувшись, Алиса перелетела в раскачке в сторону и намертво схватилась за раму открытой форточки. Та протяжно скрипнула... запоздалый страх – а если не выдержит? Оторвётся – и полетит вниз, со звоном, грохотом, теряя по дороге блёстки стёкол. Нет, пронесло. Так, теперь выдохнуть-вдохнуть, ухватиться за раму поудобнее. Между прочим, неосторожно: кто же оставляет окно открытым, оставляя дом? Тоже, кстати, штришок: может, хозяин и не собирался надолго уезжать?

Не до штришков ей сейчас, потом! Открыта форточка – и открыта, спасибо раззяве-хозяину... и вдруг рука в перчатке предательски соскальзывает с рамы! Алису мотнуло назад и чувствительно приложило об стену. Чёрт! Дождавшись, когда раскачивание угаснет, Алиса снова оттолкнулась от рамы и повторила попытку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.